

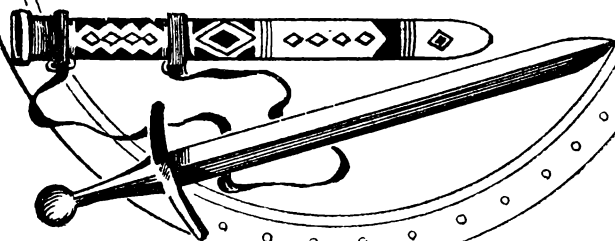
В. В. Каргалов

Куликовская Битва

В. В. Каргалов

Куликовская Битва

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1980

ББК 63.3(2)43
К21

1

К 10604-095 31.80.0505010000.
068(02)-80

© Воениздат, 1980

Тринадцатое столетие в жизни народов Азии, Восточной и Центральной Европы отмечено грозными и трагическими событиями. Это было время монголо-татарских завоеваний, охвативших огромную территорию. Монголо-татарские феодалы, создав в начале столетия сильное в военном отношении государство, начали под предводительством Чингисхана серию завоевательных походов на соседние оседлые народы. Сложившиеся исторические условия способствовали успеху этих походов. Соседние страны переживали тогда период феодальной раздробленности, и находившееся под единым командованием монголо-татарское войско побеждало своих противников поодиночке, обогащаясь и усиливаясь за счет побежденных. Чингисхан мечтал дойти до самого «моря франков», как монголо-татары называли Атлантический океан. Остановить агрессоров можно было только оружием. Волей исторических судеб народам нашей Родины выпало встретить нашествие из Азии и преградить ему дорогу в Европу. Монголо-татарские орды, промчавшиеся лавиной от степей Центральной Азии до равнин Восточной Европы, споткнулись на «русском пороге». Великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский писал с гордостью: «...нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями — спасителями... от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергавшейся всем выстрелам, стеною, которую вполтину было разбили враги...»¹.

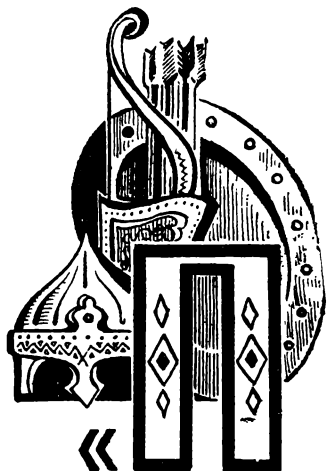
¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1949, с. 48.

Борьба Руси с монголо-татарскими завоевателями, носившая справедливый, освободительный характер, продолжалась более двух с половиной столетий. Первые полтора столетия этой борьбы проходили в основном с перевесом завоевателей, сопровождалась огромными жертвами и разрушениями, опустошением обширных территорий Руси.

Но усилия и жертвы не были напрасными. Сопротивление народа подрывало силы государства завоевателей — Золотой Орды, подготавливало условия для победы и освобождения от ненавистного иноземного ига.

Переломным моментом в борьбе за свержение монголо-татарского ига явилась Куликовская битва 1380 года, 600-летний юбилей которой широко отмечается нашим народом как славная страница боевого прошлого. Победа русских полков на Куликовом поле под предводительством выдающегося военачальника и государственного деятеля своего времени великого князя Дмитрия Донского положила начало окончательному освобождению Руси от ордынского ига.

Трудному многолетнему пути борьбы, которым пришел русский народ к победоносной решительной схватке с завоевателями, и славной Куликовской битве посвящена эта книга.

НАШЕСТВИЕ ИЗ АЗИИ

«пришла неслыханная рать. Их же никто хорошо не знает, кто они и откуда пришли, и какой язык их, и какого они племени, и какая вера их...» — так писал русский летописец в 1223 г. о появлении в причерноморских степях нового опасного врага.

В Европе тогда не знали, что завоеватели уже прошли длинный кровавый путь. Чингисхан, объединивший в начале века монгольских феодалов в единое государство и создавший сильную армию из кочевников, сначала обрушился на народы Южной Сибири, Центральной Азии, завоевал Северный Китай, затем вторгся в Среднюю Азию, которую захватил после трехлетней войны. В 1222 г. 30-тысячное монгольское войско ворвалось в Закавказье, а затем, пройдя вдоль берега Каспийского моря, появилось в причерноморских степях, в непосредственной близости от русских границ. Жители степей — половцы позвали на помощь русских князей, чтобы совместными усилиями отразить нашествие завоевателей. Весной 1223 г. дружины русских князей

выступили в поход. 31 мая у степной речки Калки произошла битва. Храбро бились русские дружинники, но действия их были несогласованными, и монголо-татарская конница одержала победу. Многие русские ратники погибли в степях. «И был вопль и печаль по всем городам и волостям», — сообщал летописец. Поражение на Калке оставило глубокий след в памяти народа. Именно с этой битвой связана народная былина о гибели богатырей, до того непоколебимо стоявших на «заставах богатырских» на рубежах Русской земли.

Однако монголо-татары на этот раз не пошли в русские земли, повернули обратно и бесследно исчезли в степях за Волгой. Летописцы объясняли их неожиданное отступление «чудом божьим», на самом деле никакого чуда не было. Поход монголо-татарского войска на запад в 1222—1223 гг. имел разведывательный характер, и монгольские военачальники отошли на соединение с главными силами. При жизни Чингисхана (умер в 1227 г.) нашествие на Восточную Европу монголо-татарами не предпринималось, хотя владения монгольских ханов вплотную подошли к ее границам: орды западной части Монгольской империи — улуса¹ Джучи кочевали у реки Яик (ныне река Урал).

Завоевания продолжались при преемнике Чингисхана — великом хане (каане) Угэдее. Монгольская империя, как раковая опухоль, расплзалась на юго-восток, поглощая провинции Среднего и Южного Китая, на юг, к Се-

¹ У л у с — часть Монгольской империи, управлявшаяся своим ханом.

верной Индии, на юго-запад, к Сирии и Палестине. Непосредственно завоевания осуществляли ханы отдельных монгольских улусов, направлявшие войска в соседние страны. Огромные богатства стекались в ставку великого монгольского каана.

Однако, несмотря на успешное продвижение в Азии, внимание великого каана Угэдея по-прежнему привлекало нашествие на запад. В 1229 г. собрался курултай — съезд монгольских феодалов. На курултае было решено начать наступление на запад военными силами улуса Джучи. Уже тогда во главе войска стоял внук Чингисхана — Бату-хан (русские летописцы называли его Батыем). По словам персидского историка Рашид ад-Дина, Батый «был в большом почете и очень могущественен, вместо Джучи-хана стал ведать улусом и войском». В помощь Батыю великий каан прислал монгольского полководца Субэдея, которого современники называли «одним из четырех свирепых псов Чингисхана».

В 1229 г. конница Батыя и Субэдея перешла реку Яик и вторглась в прикаспийские степи. Монголо-татары разгромили болгарские сторожевые заставы, охранявшие дальние подступы к своей стране, вытеснили кочевья половцев и саксинов (потомков хазар), пытались наступать на башкирские земли. Однако успехи завоевателей оказались незначительными. Половцы и башкиры продолжали сопротивление. Вторжение в Волжскую Булгарию не удалось. Булгары построили на границе леса и степи мощные укрепленные линии и отбили наступление завоевателей. По сообщению летописца, монголо-татары «зимовали, не дойдя

до великого города Булгарского». Наступление «потрясателя вселенной» явно захлебнулось. За несколько лет войны передовые отряды Батыя дошли только до Нижней Волги. С севера над ними нависала Волжская Булгария, сосредоточившая войско на своей степной границе.

То, что в 1235 г. великий каан Угэдей, по словам Рашид ад-Дина, «во второй раз устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных народов», назвав среди них булгар, ясов (осетин) и Русь, фактически означало признание провала наступления на Восточную Европу силами одного улуса Джучи. У Батыя явно не хватало для этого сил. «В помощь и подкрепление» Батыю было решено послать со своими войсками 14 знатнейших ханов-чингизидов. По существу, это были объединенные силы Монгольской империи. Численность войска Батыя достигала 150 тысяч человек. По тем временам это была огромная армия. Даже армия крестоносцев, объединявшая почти все военные силы Западной Европы, никогда не превышала 100 тысяч воинов. Ни одна из восточноевропейских стран не могла бы выставить такого войска. С самого начала нашествия Батыю было обеспечено огромное численное превосходство над противником, и именно этим, а не какими-то особыми талантами монголо-татарских военачальников и не боевыми качествами воинов-степняков объяснялись успехи завоевателей.

Осенью 1236 г. объединенное монгольское войско собралось у границ Волжской Булгарии. По словам современника, «от множества

войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные».

Первой жертвой нашествия стала Волжская Булгария. Русский летописец так рассказывал о страшной участи болгар (потомками их являются нынешние казанские татары): «...пришли из Восточных стран в Булгарскую землю татары, и взяли славный великий город Булгарский, и избили оружием от старца и до юного и до младенца, сосущего молоко, и взяли товара множество, а город их пожгли огнем и всю землю их пленили».

Весной 1237 г. монголо-татарские полчища перешли Нижнюю Волгу. Половцы и аланы (жители Северного Кавказа), некоторые народы Поволжья все лето сражались с завоевателями. Только осенью, когда в степях «все, что уцелело от меча, преклонило голову», Батый получил возможность сосредоточить силы для похода на Северо-Восточную Русь.

Русь, раздробленная в то время на множество самостоятельных княжеств, не сумела объединить военные силы для отпора врагу. Великий князь владимирский Юрий Всеволодович, считавшийся старшим из русских князей, не имел реальной власти. Поэтому каждое княжество пыталось само организовать оборону, русские силы оказались раздробленными, и завоеватели везде имели огромное численное преимущество.

Венгерский путешественник Юлиан, проезжавший поблизости от границ Руси тревожной осенью 1237 г., точно указывал место сосредоточения войск Батыя накануне вторжения:

«близ замка Воронеж». Отсюда в начале зимы монголо-татары ворвались на территорию Рязанского княжества. Храбрые рязанские дружины вышли в поле навстречу врагу. Но силы были неравны. По словам современника, рязанцы «начали биться крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Многие полки сильные пали Батыевы. А Батыева сила была велика, один рязанец бился с тысячью, а два с тьмою. Все полки татарские дивились крепости и мужеству рязанскому». Но все же «одолели их сильные полки татарские, все равно умерли и единую смертную чашу испили». Татары «начали воевать Рязанскую землю», осадили столицу княжества. Шесть дней оборонялась Рязань, и только 21 декабря завоеватели сумели проникнуть за ее деревянные стены. После татарского погрома «не осталось в городе никого живого» — завоеватели жестоко мстили рязанцам за потери, за непокорность. Массовый террор должен был утратить людей, подавить волю к сопротивлению. Но завоеватели просчитались. Продвижение полчищ Батыя по Руси сопровождалось непрерывными боями, каждый город удавалось взять только ценой немалых потерь.

Народное сказание повествует о подвиге Евпатия Коловрата, который после падения Рязани с небольшим отрядом воинов напал на войско Батыя. Витязи Евпатия Коловрата «начали сечь без милости, и смешались полки татарские. Татары же думали, что мертвые восстали, и сам Батый боялся». После битвы Батый сказал, обращаясь к павшему русскому богатырю: «О, Евпатий Коловрат! Многих сильных богатырей моей орды побил ты, и

многие полки пали. Если бы у меня был такой слуга — держал бы его против сердца своего!»

Под Коломной завоевателей встретило войско великого князя владимирского, которое возглавил его старший сын Всеволод и воевода Еремей Глебович, и снова русские полки «бились крепко, и была сеча великая». В битве под Коломной в январе 1238 г. был убит один из ханов-чингизидов — Кулькан. Это единственный случай гибели в бою высокородного хана. Обычно монгольские военачальники держались вдали от схватки.

Несколько дней ожесточенно оборонялась Москва, тогда небольшой деревянный городок, за стенами которого укрылись немногочисленные воины воеводы Филиппа Нянки и младшего сына великого князя Юрия. Летописец так сообщал о гибели Москвы: «Воеводу Филиппа Нянку убили, а князя Владимира взяли руками и людей избили от старца до младенца, а город и церкви предали огню и монастыри все и села пожгли».

О многих боях и схватках на лесных дорогах летописцы умолчали. Однако известно, что от Рязани до столицы Северо-Восточной Руси города Владимира Батый добирался больше месяца, проходя за день вместо 80 километров немногим более 10.

3 февраля 1238 г. Батый осадил Владимир. Великий князь Юрий Всеволодович покинул столицу и уехал на север, чтобы собрать войско. Но оставшиеся в городе воины и вооруженные посадские люди не сдались. Три дня они отбивали приступы многочисленного монголо-татарского войска, и только на четвертый день, когда камнеметные орудия — пороки

пробили деревянные стены города, Владимир пал. Множество воинов Батыя нашли смерть под стенами и на горящих улицах города.

Февраль был самым страшным месяцем нашествия. Батый разделил свое войско на несколько крупных отрядов, и они двинулись вдоль рек и по торговым путям, разоряя русские города. «И не было места, ни волости, ни сел таких редко, где бы не воевали на Суздальской земле, и взяли градов 14, кроме сел и погостов, в один месяц февраль», — печально повествует летописец. Пять дней отбивали приступы жители Переяславля-Залесского инесли завоевателям большой урон. Две недели оборонялся Торжок, где не было ни князя, ни княжеской дружины и вся тяжесть борьбы легла на плечи посадского населения. Летописи навечно сохранили имена героических защитников Торжка: посадника Иванко, Якима Влунковича, Глеба Борисовича, Михайло Моисеевича... Только 5 марта, когда «изнемогли люди в граде», враги сумели ворваться в Торжок. Затяжная осада Торжка сорвала возможный поход Батыя к Великому Новгороду.

За день до падения Торжка на берегах реки Сити, притока Мологи, произошло последнее сражение этого похода. Монгольский полководец Бурундай, пробравшись по лесным дорогам, окружил воинский стан великого князя Юрия Всеволодовича и в ожесточенном сражении разбил великокняжеское войско. В «сече злой» пал и великий князь. Все междуречье Оки и Волги было захвачено завоевателями, уцелевшие люди искали спасения в лесах, бежали за Волгу.

Но пришельцы недолго задержались на рус-

ской земле. Вскоре они начали отход в степи, еще раз опустошив на обратном пути Северо-Восточную Русь.

Героической страницей русской военной истории явилась оборона Козельска. Жители этого небольшого укрепленного городка «совет сотворили не сдаваться Батыю», плотно закрыли городские ворота и, по свидетельству летописца, «семь недель» отражали вражеские приступы. Героическая оборона Козельска произвела огромное впечатление на современников, о ней знали далеко на Востоке. Рашид ад-Дин упоминал об этих событиях: «Батый пришел к городу Козельску и, осаждая его два месяца, не мог овладеть им!» Монголо-татарам пришлось, как во время осады крупных городов, выставить против Козельска тяжелые камнеметные орудия и три дня обстреливать деревянные стены. Рухнули стены, но в проломах козельцы встретили татарских воинов с ножами в руках и отбили приступ. Ночью защитники Козельска сами предприняли вылазку и перебили множество воинов Батыя. Четыре тысячи татарских воинов нашли смерть под стенами Козельска, а «трех сыновей темников» (т. е. предводителей десятитысячных отрядов) после битвы «татары искали и не нашли во множестве трупов мертвых». «Злым городом» назвал Козельск разгневанный Батый.

После штурма Козельска полчища хана Батыя «уползли» в половецкие степи «зализывать раны» и готовиться к новым походам. Но завоеватели не нашли отдыха в половецких степях — народы Восточной Европы продолжали борьбу. Не покорились половцы, оттес-

ненные прошлым летом за Дон. С юга на монгольские кочевья нападали аланы и черкесы, которые уходили в горные теснины, когда против них выступали большие монгольские силы. Восстали мордовские племена, и Батыю пришлось организовывать большую карательную экспедицию, чтобы покорить их. Во время этого похода завоеватели сожгли Муром и Гороховец на Нижней Оке. Но осталась непокоренной Южная Русь, и сильные крепости на краю Дикого поля (так называли на Руси половецкие степи) препятствовали дальнейшему нашествию на запад.

В марте 1239 г. монголо-татары подступили к ПереяславлЮжному, сильной крепости на рубежах Киевской земли. Неоднократно отбивал ПереяславльЮжный набег кочевников — печенегов и половцев, но против многочисленных осадных орудий монголо-татарского войска не смог устоять. Он был «взят копьем» (т. е. штурмом) и страшно разорен. Почти триста лет после этого разгрома ПереяславльЮжный был «градом без людей», а древний каменный собор лежал в развалинах до середины XVII в. За осадой ПереяславляЮжного последовала осада Чернигова, другого русского города, славного своими боевыми традициями: черниговцы неоднократно отбивали набег степняков, и сам город считался «славным мужеством горожан» и «богатым воинами». Осенью 1239 г. Батый осадил Чернигов «в силе великой». Черниговцы вышли за городские стены, и «лютый был бой у Чернигова». Потом черниговцы отступили в город, и началась его осада. Защитники города обстреливали врага огромными камнями из метатель-

ных орудий. 18 октября после многократных штурмов Чернигов пал.

В начале 1240 г. завоеватели впервые подошли к Киеву. Монгольский военачальник Менгу-хан, остановившись против Киева на другой стороне Днепра, «удивился красоте его и величине его, прислал послов своих к горожанам, хотя их прельстить, но не послушали его». Менгу-хан не решился штурмовать многолюдный и хорошо укрепленный город и отошел. Только осенью полчища Батыя ворвались в пределы Южной Руси.

Оборону древней столицы возглавил «тысяцкий Дмитр», имя которого навеки вошло в летопись русской воинской славы. «Пришел Батый к Киеву в силе тяжкой, — рассказывал летописец о начале осады, — многим множеством силы своей и окружил город, и обступила его сила татарская, и был город в облажении великом. И был Батый у города, и отроки его обсели город, и ничего не было слышно от скрипения телег, рева множества верблюдов и ржания коней, и была переполнена Русская земля ратными. Поставил Батый пороки к городу, возле ворот Лядских. Пороки, непрерывно бьющие день и ночь, выбили стены, и взошли горожане на остаток стены, и тут копья ломались, и стрелы омрачили свет, и Дмитр тысяцкий был ранен». К вечеру татары захватили городские стены, но в глубину города прорваться не смогли. «Горожане же построили другой город около церкви Богородицы. Утром же пришли на них татары, и снова была брань между ними великая». Только после девятидневных непрерывных боев сопротивление защитников города было сломлено,

Киев пал. Уцелевшие воины тысяцкого Дмитрия укрылись за каменными стенами Десятинной церкви. Из узких окон церкви на воинов Батыя полетели стрелы. Снова в дело вступили камнемётные орудия. Под их тяжкими ударами рухнули своды церкви, похоронив под обломками последних защитников древней столицы.

Но борьба продолжалась. Ожесточенное сопротивление встретили завоеватели у небольших городков-крепостей, которые протянулись вдоль рек Случи, Горыни и Верхнего Тетерева. Гарнизоны этих крепостей погибали, но не сдавались. Рядом с мужчинами на городских стенах бились с ордынцами женщины, и их единственное оружие — острые серпы остались лежать в земле рядом с обломками мечей и наконечниками копий. Спустя много столетий археологи воссоздали картины героической обороны.

Некоторые южнорусские крепости Батый так и не сумел взять. Летописец сообщает, что Батый отошел от Кременца и Данилова. Отбил все штурмы и сильно укрепленный город Холм. Но большинство городов Южной Руси, в том числе Галич и Владимир-Волынский, были разрушены завоевателями.

Весной 1241 г. монголо-татарские полчища вторглись в Польшу, Чехию, Венгрию, Хорватию. Однако силы завоевателей были подорваны героическим сопротивлением народов нашей страны, планы завоевания всей Европы провалились. Конные орды хана Батыя дошли только до Адриатического моря и вынуждены были повернуть обратно. В этом заключалось всемирно-историческое значение борьбы рус-

ского народа с монголо-татарскими завоевателями: она спасла европейскую цивилизацию от разгрома варварскими кочевыми ордами. Однако для самой Руси наступили самые тяжелые столетия истории, столетия монголо-татарского ига.

Хан Батый, возвратившись со своими ордами на Нижнюю Волгу, основал государство Золотая Орда, под власть которой попала Русь. В 1243 г. он вызвал в Орду нового великого владимирского князя Ярослава Всеволодовича, и тот вынужден был принять из рук хана ярлык на свое княжение, т. е. признать зависимость от Орды. Русь была обложена тяжелой данью. За деятельностью русских князей присматривали представители хана — баскаки, по доносам которых приходили карательные отряды из Орды, чтобы наказать непокорных. Одна за другой следовали татарские рати, которые опустошали огромные территории и несли многочисленные жертвы. Неврюеву рать 1252 г. и Дюденеву рать 1293 г. летописцы сравнивали по их разрушительным последствиям с самим батыевым нашествием. А всего во второй половине XIII в. монголо-татарские завоеватели не менее 15 раз вторгались в пределы Северо-Восточной Руси. Казалось, в разоренной, непрерывно подвергавшейся нападениям стране уже не осталось силы, чтобы подняться на борьбу с угнетателями. Но это было не так. История земли Русской во второй половине XIII и в XIV в. — это история непрерывной борьбы против завоевателей, борьбы неравной, неимоверно тяжелой, но не прекращавшейся ни на десятилетие. Вот хроника начального этапа этой многовековой борьбы.

Великий князь Ярослав Всеволодович погиб в Орде, но его сын великий князь Андрей уже пробовал организовать сопротивление. Сам он ни разу не ездил на поклон к Батыю, а «дани и выходы» платил «несполна», вел тайные переговоры с галицко-волынским князем Даниилом о совместной войне против завоевателей. Летописцы сохранили до наших дней гордые слова великого князя Андрея: «Лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им!» В 1252 г. Батый послал против непокорного князя «царевича» Неврюя с многочисленным войском. По словам летописца, «собрав воинство свое, встретил их князь великий Андрей со своими полками, и сразились полки, и была сеча великая». Андрей потерпел поражение. Первая попытка освободиться от ига с оружием в руках, попытка отважная и почти безнадежная, все-таки не была бесполезной. Русь не стала простым улусом ханов, на ее территории не было монгольской администрации.

В 1257 г., когда на Русь приехали монгольские численники, чтобы переписать население и обложить его регулярной данью, на борьбу поднялись горожане Великого Новгорода. Они не захотели «дать число», и в городе поднялся «мятеж великий».

В 1262 г. во многих русских городах поднялись восстания против бесерменов — откупщиков ордынской дани. По словам летописца, «люди ростовские, не терпя насилий поганых, собрали вече и выгнали их из Ростова, из Владимира, из Суздаля, потому что откупали те бесермены дани и оттого великую погубу творили людям». Сбором дани стали заниматься са-

ми русские князья, что несколько облегчило тяжесть ига.

Другая волна народных восстаний привела к изгнанию из русских городов ханских баскаков. В 1289 г. восстали горожане Ростова. Восстание повторилось в 1320 г., когда снова «были злы татары в Ростове, но собрались люди, изгнали их из града». В 1327 г. против ордынского «посла сильного» Шевкала (в русской народной песне его называли Щелканом) восстали тверичи, «ударили во все колокола, и стали вечем, и весь народ собрался, и начали избивать татар, где кого застали, и самого Шевкала убили, и всех других». Ордынскому хану пришлось отозвать из русских городов своих соглядатаев-баскаков. Стихийные народные выступления привели к некоторому ослаблению ига.

В народных выступлениях явно прослеживался нестигаемый боевой дух народа. Народ был воителем за землю Русскую, и именно народные массы первыми поднялись на борьбу против ордынского ига.

Ощутимые удары по завоевателям наносили и отдельные русские князья. Их выступления наряду со стихийными народными восстаниями постепенно ослабляли и расшатывали ордынское господство.

В 1285 г. рыльский князь Олег и липецкий князь Святослав разгромили в Курском княжестве слободы ордынского баскака Ахмата.

Сын прославленного русского полководца Александра Невского — великий князь владимирский Дмитрий Александрович выступил против «царевича из Орды», вторгшегося в 1285 г. в его владения, и заставил его бежать.

В 1301 г. другой сын Александра Невского — московский князь Даниил в сражении у города Переяславля-Рязанского «много татар избил».

В 1310 г. брянский князь Святослав «ратью великой, в силе многой, за полдень вышел против рати татарской, и сошлись на бой, и помрачили стрелы татарские воздух, и были как дождь, и была сеча зла». Князь Святослав бился до конца и пал «последним в полку».

В 1317 г. тверской князь Михаил отогнал ордынскую рать, двинувшуюся на его княжество.

Суздальско-нижегородский князь Константин Васильевич, по словам летописца, «княжил 15 лет, честно и грозно оборонял вотчину свою от сильных князей и от татар».

В 1365 г. рязанский князь Олег, пронский князь Владимир и козельский князь Тит напали на ордынское войско «царевича» Тагая, которое «со многой тягостью пошло в поле» через Рязанскую землю, и настигли его «под Шишевским лесом». По свидетельству летописца, «был им бой крепок и брань лютая и сеча злая, и падали мертвые от обеих сторон», и «гордый князь ордынский Тагай в страхе и трепете был, видя всех своих татар избиенными, и так, рыдая и плача и лицо одирая от многой скорби, едва с малою дружиною убежал».

В 1367 г. ордынский хан Булат-Темир, «собрав силу многую, пошел в землю и уезд Нижнего Новгорода, волости и села повоевал», но встретил такой отпор, что «прибежал в Орду с малой дружиной».

Разрозненные антиордынские выступления отдельных русских князей не могли привести к свержению ига. На Руси еще не было центра, который возглавил бы общенародную борьбу за свободу и независимость родной земли.

Во второй половине XIV в. таким центром стала Москва, и великий князь Дмитрий Иванович Донской взял в свои руки благородное дело объединения военных сил всей Руси для борьбы за освобождение от монголо-татарского ига.

Длинным и трудным был путь Москвы к главенству над Русью. Московское княжество образовалось в 1276 г., когда великий князь Дмитрий, старший сын Александра Невского, выделил Москву в удел своему младшему брату Даниилу; до этого Москва входила в состав Владимирского княжества и в ней «сидели» великокняжеские наместники. Первоначальная территория Московского княжества была совсем небольшой. В нее входили земли по среднему течению Москвы-реки с ее левыми притоками Рузой, Озерной, Истрой, Восточной, Яузой, Пехоркой и с правыми притоками Сетунькой и Пахрою, а также верхнее течение реки Клязьмы. Верховья Москвы-реки с Можайском принадлежали смоленским князьям, а земли по нижнему течению с Коломной — рязанскому князю. Московское княжество протянулось с востока на запад на 150—200 км, с севера на юг — на 100—120 км, в нем было всего три укрепленных городка: Москва, Звенигород и Радонеж. С этого малого клочка земли и начиналась великая держава.

Историки справедливо указывали на благоприятное положение Москвы на важных реч-

ных и торговых путях, ее защищенность от набегов, что приводило к притоку населения из других русских земель, постоянно опустошаемых татарскими ратями. Москва была центром развитого земледелия и промыслов, что создавало материальные предпосылки для усиления московских князей. Она являлась центром формировавшейся великорусской (русской) народности. Важную роль сыграла и последовательная, умелая политика первых московских князей, которые, начиная с «младшего Александровича» — Даниила, непрерывно расширяли территорию княжества, усиливали его, неуклонно стремились к главенству над Русью.

В первые годы XIV столетия территория Московского княжества начала бурно расти: многолетние усилия князя Даниила по укреплению княжества приносили свои плоды. В 1300 г., после удачного похода на рязанского князя, к Москве были присоединены низовья реки Москвы с Коломной. Но дело не ограничилось присоединением этого важного в стратегическом отношении города-крепости: к московскому князю отошли все бывшие рязанские владения к северу от реки Оки, от Коломны до Серпухова. Таким образом, территория и население Московского княжества увеличились почти вдвое. В 1302 г. московский князь Даниил без войны присоединил обширное и богатое Переяславское княжество, где княжил его племянник Иван, не оставивший наследников. По словам летописца, князь Иван, «детей своих не имея, отдал отчину свою Переяславль князю Даниилу Александровичу Московскому, потому что его больше всех лю-

бил». Знаменитые плодородные переяславские ополья, бортные леса, соляные варницы и рыбные ловли на Переяславском озере обогатили московского князя. Кроме того, присоединение Переяславля имело важное военно-стратегическое значение: владения московских князей теперь непосредственно примыкали к территории великого княжества Владимирского. Одновременно к Москве перешел и город Дмитров. В 1303 г. московские полки отвоевали у смоленских князей верховья Москвы-реки с городом Можайском. «Примыслы» первого московского князя значительно увеличили территорию Московского княжества: на юге — до реки Оки, на западе — до полосы лесов на водоразделе Волги и Днепра. Владение «младшего Александровича» превратилось в одно из самых обширных и населенных княжеств Северо-Восточной Руси. Преемник Даниила Александровича — московский князь Юрий (1303—1325) был достаточно сильным, чтобы открыто вступить в спор с тверскими князьями из-за ярлыка на великое княжение. Москва готовилась возглавить процесс политического объединения русских земель.

Усиление Московского княжества продолжалось при Иване Даниловиче Калите (1325—1340). Воспользовавшись антиордынским восстанием в Твери в 1327 г., князь Иван Калита вместе с ханским войском опустошил территорию Тверского княжества и тем самым ослабил своего основного соперника в борьбе за главенство над Русью. Он добился от хана признания себя великим князем «надо всею Русскою землею», сам собирал со всех княжеств ордынскую дань — выход и отвозил ха-

ну. Немалая часть собранной дани оставалась в «калите» московского князя и использовалась для того, чтобы прикупать новые земли, снаряжать войско. Князь Иван Калита был искусным дипломатом, при нем надолго прекратились ордынские набеги. Избавленная на время от военной опасности, Русь успешно развивала экономику, собирала силы для будущей решительной схватки с Ордой.

Политику Ивана Калиты продолжили его сыновья, тоже ставшие великими князьями, — Семен Гордый (1340—1353) и Иван Красный (1353—1359). Многие другие князья попали в зависимость от могучих московских князей: ростовские, галицкие, белозерские, угличские. В сложной международной обстановке, когда на западную границу усилили нажим литовские феодалы, а новгородские границы подвергались частым нападениям немецких и шведских рыцарей, Москва продолжала борьбу за объединение Руси.

В том, что ордынские ханы, традиционной политикой которых было не допускать усиления кого-либо из князей, столь длительное время не препятствовали возвышению Москвы, сыграли роль два обстоятельства. Во-первых, регулярными выплатами дани, изъявлениями внешней покорности, богатыми подарками хану и его приближенным московские князья умело обманывали ордынских политиков. Во-вторых, резкое усиление Московского княжества совпало с «великой замятней» в Орде, где началась борьба за власть между отдельными группировками кочевых феодалов. По подсчетам историков, за 21 год на ханском престоле сменилось свыше 20 ханов. Ордынским прави-

телям было не до вмешательства в русские дела. Однако с середины XIV в. поворот в ордынской политике явно наметился. От поддержки московских князей ханы перешли к поддержке их соперников, чтобы ослабить Москву, становившуюся слишком опасной. Этот поворот в ордынской политике совпал с княжением внука Ивана Калиты — Дмитрия Ивановича (1359—1389). Дело объединения Руси ему предстояло отстаивать с оружием в руках.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ, КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ

Решительная схватка с Ордой приближалась. Но для победы нужно было объединить военные силы страны, поставить их под единое командование. Между тем внутренняя обстановка на Руси осложнилась. После неожиданной смерти Ивана Красного московским князем стал девятилетний Дмитрий Иванович, его старший сын. Соперники постарались воспользоваться благоприятным моментом, чтобы отнять у Москвы великое княжение.

Первым выступил суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович, который перекупил у хана ярлык на великое княжение. Однако Москва была уже сильна, в борьбу за великое княжение активно включилось московское боярство и митрополит Алексей. Воспользовавшись очередной «замятней» в Орде, московские послы выхлопотали у нового хана ярлык для своего малолетнего князя. Но спор не закончился. Дмитрий Константинович в свою очередь получил ярлык и поспешил занять Владимир. Москвичи действовали быстро и ре-

шительно. По словам летописца, Дмитрий Иванович «собрал силу многую, и пошел ратью к Владимиру, и выгнал его из Владимира, он же бежал в Суздаль, просидев на великом княжении во Владимире всего двенадцать дней». Горький урок, преподанный Москвой незадачливому претенденту на великое княжение, не пропал даром. Когда спустя два года ордынский посол привез Дмитрию Константиновичу новый ярлык на великое княжение, тот «сам не захотел и уступил великое княжение Дмитрию Ивановичу Московскому». Впоследствии суздальско-нижегородский князь даже заключил союз с Москвой, признав Дмитрия Ивановича «братом старейшим», что означало политическую зависимость. Многочисленные нижегородские полки вместе с московскими ратями отражали ордынские набеги. Первая схватка московского князя в борьбе за главенство над Русью была выиграна.

Однако вскоре в борьбу вступил другой сильный соперник — тверской князь Михаил Александрович. Тверское княжество было обширным и богатым, имело сильное войско. Кроме того, Михаила Александровича постоянно поддерживал великий литовский князь Ольгерд, трижды совершивший опасные походы на Москву (в 1368, 1370 и 1372 годах). Новые каменные стены московского кремля оказались неприступными для литовских воинов, но вмешательство литовцев значительно затруднило войну с Тверью. Надеясь на помощь Ольгерда, князь Михаил Александрович в 1371 г. принял из рук хана ярлык на великое княжение и вместе с «царевым послом» отправился на Русь. Однако Дмитрий Иванович не

допустил его до Владимира, «разослал на все пути заставы». Ханскому же послу Дмитрий Иванович твердо заявил: «К ярлыку не иду, а князя Михаила в землю на княжение Владимирское не пущу, а тебе, послу, путь чист!» Между Москвой и Тверью началась затяжная феодальная война, которая ослабляла силы страны. В 1375 г. Михаил Александрович снова получил из Орды ярлык на великое княжение. Дальше так не могло продолжаться, и Дмитрий Иванович предпринял решительное наступление на Тверь. Он сумел придать походу на Тверь общерусский характер, привлек к нему около 20 русских князей; на помощь москвичам пришла даже новгородская рать. После месячной осады Михаил Александрович запросил мира. Тверские князья навсегда отказались от претензий на великое княжение, от самостоятельной внешней политики в отношениях с Ордой и Литвой. Значение этого события огромно. В политическом отношении было закреплено главенство Москвы над Русью, многие князья перешли на положение «служебников» великого московского князя. В военном отношении тверской поход был своеобразной «репетицией» сбора общерусского войска, так необходимой перед решительной схваткой с Ордой. Москва окончательно встала во главе общенародной борьбы за свержение ненавистного иноземного ига. Сам Дмитрий Иванович приобрел большой военный опыт, который использовал в войнах с ордынцами. Победа над Тверью была тем более своевременна, что во второй половине 70-х годов ордынцы перешли к открытому военному давлению на Русь.

Опасность со стороны Орды резко усилилась потому, что «замятня» между ордынскими феодалами пошла на убыль. Эмир и темник (предводитель десятитысячного войска) Мамай фактически захватил власть в бóльшей части Орды. Не являясь потомком Чингисхана, Мамай не мог формально стать ханом, потому что это противоречило строгим монгольским обычаям, но он «по своей воле» выдвигал на престол послушных ханов и правил от их имени. В подчинении Руси, которая с 1374 г. вообще прекратила выплату дани, Мамай видел средство упрочить свое положение, победить соперников, которые продолжали претендовать на власть в Орде. Единственным средством подчинения Руси, которая стала проявлять значительную самостоятельность, было военное наступление. И во второй половине 70-х годов это наступление началось.

В 1377 г. большое ордынское войско под предводительством хана Арабшаха (русские летописцы называли его «царевич Арапша») двинулось на Нижний Новгород. Передовые ордынские отряды появились на реке Суре, протекавшей в 120—130 км от Нижнего Новгорода. Дмитрий Иванович немедленно выступил с московской ратью на помощь своему союзнику — нижегородскому князю. Однако известия о подходе ордынцев не подтвердились. Более того, Дмитрий Иванович получил ложные вести, что Арапша ушел на реку Донец. Поэтому Дмитрий Иванович с главными силами вернулся в Москву, а для прикрытия Нижнего Новгорода были оставлены владимирские, переяславские, юрьевские, муромские и ярославские полки, довольно многочисленные, но

действовавшие несогласованно, не обеспечившие надежного сторожевого охранения и разведки. Сын нижегородского князя Иван, оставленный командовать войском, проводил дни в пирах и развлечениях. Оружие и доспехи воины везли в телегах, даже тогда, когда войско перешло реку Пьяну. Такое «небрежение» дорого обошлось войску. От мордовских князей Арапша получал исчерпывающую информацию о движении русского войска, были у него и местные проводники, которые помогли незаметно окружить русскую рать. 2 августа 1377 г. ордынцы неожиданно со всех сторон ударили по русскому войску и разгромили его. «И побежали наши к реке к Пьяне, а татары их гнали, и там убили множество князей и бояр и вельмож. А князь Иван прибежал к реке к Пьяне, гоним напрасно, и упал на коне в реку и утонул, и утонули с ним в реке множество князей, и бояр, и вельмож, и воевод, и слуг, и воинства бесчисленно» — так повествовал летописец об исходе сражения. А ордынцы тем временем «пошли к Новгороду Нижнему изгоном». Князь Дмитрий Константинович бежал в Суздаль, потому что на реке Пьяне «все его воинство избито было», и Арапша беспрепятственно подошел к Нижнему Новгороду. Многие горожане, чувствуя бесполезность обороны — в Нижнем Новгороде не оказалось ни князя, ни военных сил, — «разбежались на судах по Волге к Городцу». 5 августа ордынцы ворвались в беззащитный город и подвергли его страшному разгрому. Разорению подверглась также немалая часть Нижегородского княжества. Отступая с добычей обратно в степи, ордынцы «волости и села попленили и сожгли».

В августе того же года «царевич Арапша» напал на Засурье, «и пограбил Засурье, огнем пожег, и отошел с полоном восвояси». Той же осенью на Нижегородский уезд напали мордовские князья, «волости и села, остаточные от татар, пожгли». Другой татарский отряд почти одновременно с нападением Арапши на Нижний Новгород напал на Рязанское княжество. Ордынцы взяли столицу княжества — город Переяславль-Рязанский, рязанский князь Олег едва сумел бежать, а ордынцы «много зла сотворили» и отошли с добычей и пленными. В 1378 г. ордынцы снова пошли к Нижнему Новгороду. Укрепления Нижнего Новгорода еще не были восстановлены после разгрома, большинство населения не успело вернуться, и город сдался без боя. Немногочисленные горожане при приближении ордынцев «побежали за Волгу». Князь Дмитрий Константинович пробовал откупиться от ордынцев, но они отвергли откуп и снова сожгли Нижний Новгород, а потом «повоевали» все окрестности. Тогда же Арапша «избил» на Волге многих русских купцов, а затем совершил повторный набег на Рязанское княжество. В результате обширные территории Руси на границах с Ордой были опустошены.

Ордынские нападения на Нижегородское и Рязанское княжества в 1377—1378 гг. не были простыми грабительскими набегами. Это было планомерное военное давление на Русь, имевшее целью ослабить русские силы, лишить великого князя Дмитрия союзников, в первую очередь — возможной поддержки из Нижнего Новгорода. Успешные походы ордынцев к Нижнему Новгороду показали, что отдельные

князя не в состоянии самостоятельно бороться с ордынскими нападениями. Только непосредственная помощь московских полков могла спасти положение. На Москву с надеждой смотрели жители пограничных городов и волостей.

Однако положение великого князя Дмитрия было довольно сложным. Позорное поражение на реке Пьяне оставило тягостное впечатление, подорвало авторитет московского князя. Поражение выявило серьезные недостатки в организации войска: слабость сторожевой и разведывательной службы, неумелость и «нерадение» воевод, слабую дисциплину. В отсутствие великого князя воеводы и князя, поставленные во главе войска, не сумели обеспечить единство командования. Требовались срочные меры политического и военного характера, чтобы выправить положение. И эти меры были приняты. Великий князь Дмитрий решил лично возглавить войско, чтобы обеспечить твердое командование. В русском войске была значительно усилена разведка. Горькие уроки «побоища на реке Пьяне» были учтены, и Москва взяла в свои руки оборону южной границы. Это было тем более необходимо, что Мамай готовил новый поход на русские земли. Теперь опасность угрожала непосредственно московским владениям.

Поход 1378 г., который был предпринят Мамаем большими силами, преследовал далеко идущие цели. Летописец отмечал, что «Мамай собрал воинов много и послал Бегича ратью на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую». Ордынцы двинулись через Рязанскую землю прямо к московским рубежам.

Перед великим князем Дмитрием стояла задача не только отразить вторжение на окском рубеже, где в прошлые годы неоднократно собирались полки для обороны Московского княжества, но и разгромить врага. Только решительная победа над ордынцами могла заставить друзей и врагов Москвы забыть о поражении на реке Пьяне.

Своевременно узнав о приближении ордынцев, великий князь Дмитрий собрал большое войско, основу которого составляли хорошо вооруженные и организованные московские полки. Русские полки форсировали Оку и пошли на юг по Рязанской земле, чтобы встретить Бегича за пределами Московского княжества. Этот маневр был неожиданностью для ордынских военачальников — в «поле» русское войско до этого времени выходить опасалось.

Полководческое искусство великого князя Дмитрия проявилось в умелой организации разведки и в выборе удобной для сражения позиции. Русские полки раньше, чем ордынцы, сумели подойти к реке Воже, правому притоку Оки, и приготовиться к бою. Бегич, подступив к реке Воже, не решился немедленно форсировать ее на виду русского войска и, по словам летописца, «стоял много дней».

Летописцы очень скупо сообщали о подробностях сражения. Однако можно проследить смелый маневр великого князя Дмитрия, который помог ему одержать решительную победу: ордынцы были не только отбиты, но и понесли тяжелые потери. Сущность этого маневра заключалась в следующем. Великий князь Дмитрий, видя, что ордынцы не решаются форсировать реку на виду у готового к сражению рус-

Дмитрий Донской

ского войска, приказал сам «уступить берег», то есть отвел свои полки от Вожи, как бы приглашая Бегича двинуться вперед. Ни в одной летописи нет даже упоминаний о схватках на переправе, на бродах или «перелазах» через Вожу. Ордынской коннице намеренно была освобождена дорога на русский берег. И Бегич пошел в расставленную ловушку...

11 августа 1378 г. ордынская конница начала переправляться через Вожу и скапливаться на русском берегу. Русский строй стоял неподвижно. В центре был великокняжеский полк под командованием самого Дмитрия Ивановича, на флангах — полки окольников Тимофея и пронского князя Даниила. Главной силой русского войска была тяжеловооруженная конница в доспехах, с длинными копьями ударного типа. Замысел сражения заключался в том, чтобы отразить первый натиск ордынской конницы и затем, воспользовавшись неизбежным в этом случае замешательством, опрокинуть ее сомкнутым строем. Позади ордынцев была река, которая мешала свободе маневра, а в случае бегства отрезала дорогу назад. Только полководец, твердо уверенный в победе, мог решиться так расположить свое войско. Великий князь Дмитрий решился...

С криками, визгом, устрашающими воплями черные волны ордынской конницы покатились на русских. Зазвенели тетивы татарских луков, ливень стрел обрушился на русский строй. Но доспехи и щиты надежно прикрывали русских воинов, а длинные копья не позволили ордынцам приблизиться для рукопашной схватки. Передовые ордынские сотни стали заворачивать коней, на них напирала сзади дру-

гие отряды, все смешалось. Тогда заревели русские боевые трубы, и сомкнутый строй русских всадников, вытянувших вперед длинные тяжелые копыя, двинулся на врага. Удар тяжелой русской конницы сразу опрокинул ордынцев. Началось беспорядочное бегство. Дорогу бегущим татарам преградила река, и многие из них утонули, не сумев справиться с быстрым течением. Только вечером прекратилось преследование, а когда утром погоня возобновилась, выяснилось, что бегство ордынцев продолжалось всю ночь. На другом берегу Вожи русскими воинами был захвачен весь ордынский обоз. Во время битвы и преследования были убиты пять ордынских князей. Простых ордынских воинов «убили множество». Это было сокрушительное поражение, после которого остатки воинства Бегича, тоже погибшего в битве, «побежали в Орду». Русские потери оказались незначительными. Из командного состава были убиты только два воеводы — Дмитрий Монастырев и Назар Данилов Кусков.

Победа на реке Воже имела большое значение. Это был достойный ответ на поражение 1377 г., сразу прославивший великого князя Дмитрия Ивановича. Огромен был политический резонанс победы на Воже. Был развеян миф о непобедимости степняков в полевых сражениях. На это специально обратил внимание Карл Маркс, уделивший в своих «Хронологических выписках» несколько строк славной победе русского оружия: *«Дмитрий Донской совершенно разбил монголов на реке Воже (в Рязанской области). Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими»*¹.

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. 8. М., 1946, с. 151.

Сражение показало превосходство русской конницы в рукопашном бою с легкой ордынской конницей. Наконец было найдено действенное средство борьбы с завоевателями, считавшимися ранее непобедимыми: прямой рукопашный бой сомкнутым строем. Сражение на реке Воже историки по праву называют «генеральной репетицией» Куликовской битвы.

Большое внимание описанию победы русских на реке Воже уделяли летописцы. Многие из этих летописных рассказов завершаются интересным сообщением. Во время преследования ордынцев русские воины схватили некоего «попа Ивана Васильевича», который пришел вместе с Бегичем из Орды, а у него «злых и лютых зелий мешок». Ордынский лазутчик хотел отравить великого князя Дмитрия — в Орде уже хорошо понимали, кто их главный враг на Руси. Славная победа на реке Воже сделала великого князя Дмитрия необычайно популярным, он стал признанным главой русского воинства. Русь обрела авторитетного в народе полководца, предводителя общерусского войска.

Мамай не мог примириться с поражением; чтобы удержать власть в Орде, ему нужны были непрерывные военные успехи. Только силой оружия он поддерживал единство своей огромной державы. Только силой оружия он надеялся справиться с Русью.

Однако сокрушительное поражение в Рязанской земле заставило его быть осторожным. Прошло два года, прежде чем он решился на поход, и только тогда, когда сумел собрать огромное войско и найти союзников, готовых вместе с ним идти на Русь, — великого литовского князя Ягайло и рязанского князя Олега.

Было время, когда первый московский князь Даниил Александрович обеспечивал безопасность своего княжества мудрой осторожностью, уклоняясь от участия в междоусобной борьбе сильных князей, схоронившись за лесами от случайных ордынских набегов. Лишь однажды, в 1293 г., опустошительная Дюденева рать своим краем задела Москву, но направлена была эта рать не против московского князя, а его старшего брата — великого князя Дмитрия Александровича. Было время, когда опасность отводила искусная дипломатия Ивана Калиты, и была «тишина великая» на Русской земле, и Московское княжество могло копить силы и объединять вокруг себя «служебных» князей и союзников. Ордынские ханы верили тогда, что московский князь верно служит их интересам, и не вмешивались в русские дела. Но эти времена прошли. Великий князь Дмитрий Иванович открыто противостоял Орде. Военная сторона русско-ордынских отношений явно выступала на первый план. Давний спор предстояло решить обнаженным оружием.

За полтора века со времени батыева нашествия значительно изменилась Русь. Заметных успехов достигло дело политического объединения. Москва стала признанным центром страны, все больше князей становилось «подручными» великого московского князя. Постепенно ликвидировались разрушительные последствия разорения, Русь богатели, несмотря на ордынские набеги и дани. Происходившие перемены коснулись и войска, его организации, вооружения, тактики.

Раньше вооруженные силы Руси состояли из отдельных полков удельных князей и бояр, вассалов великого князя, а также «городовых» и сельских ратей, которые собирались вместе лишь для отражения вражеского нашествия. Постоянным ядром этой феодальной армии был так называемый «двор» великого князя — его собственные военные слуги (дворяне и «дети боярские»), но они не составляли большинства. Дружины же удельных князей и бояр были самостоятельными воинскими единицами, выступали во главе со своими предводителями и со своими знаменами. Они плохо подчинялись единому командованию, действовали в бою несогласованно. Кроме того, эти дружины, формировавшиеся из профессиональных воинов-дружинников, были немногочисленными, а спешно собранное народное ополчение горожан и крестьян было плохо вооружено, не обладало необходимой воинской выучкой. С таким войском трудно было надеяться на победу в войне с Ордой. Требовались серьезные преобразования в военном деле, и эти преобразования были осуществлены выдающимся государственным и военным деятелем своего времени великим князем Дмитрием Ивановичем, будущим Донским.

При великом князе Дмитрии Ивановиче значительно увеличилось постоянное ядро русского войска — «двор». «Двор» пополнялся отрядами «служебных» князей, которые переходили на московскую службу из других княжеств, становился внушительной военной силой. Многочисленные, хорошо вооруженные и организованные московские полки, которыми командовали великокняжеские воеводы, еще больше усиливали военное могущество собст-

венной армии великого князя Дмитрия Ивановича. К этому ядру примыкали полки остальных княжеств и городов.

Постепенно изменялся сам характер русского войска. В борьбу против ненавистного ордынского ига активно включались народные массы. Нарушалась средневековая кастовость военной организации — в войско получали доступ выходцы из народных низов. Наглядным доказательством этого важного процесса является значительное возрастание роли пехоты, пеших ратей, состоявших из горожан и крестьян. В отличие от Западной Европы того времени, где, по словам Фридриха Энгельса, пехота считалась «хламом» и «плохо вооруженной толпой», в «русском бою» простолюдины-пехотинцы часто решали исход сражений. Особенно важна была сильная пехота в войнах с ордынской конницей: сомкнутый и глубокий пехотный строй успешно противостоял конным атакам. Значение пешей рати в сражении отлично понимал великий князь Дмитрий Иванович.

Русское войско приобретало национальный характер, это была вооруженная организация складывавшейся великорусской (русской) народности.

Значительно улучшилась организация русского войска. Это выразилось как в укреплении единого командования, так и в проведении общерусских мобилизаций на отпор внешним врагам. Именно при великом князе Дмитрии Ивановиче впервые появились так называемые «разрядные книги» — государственные записи назначений воевод, перечень полков для похода, районы и центры сбора ратей. Первая такая «ропись» относилась к 1375 г., когда для

похода на Тверь собирались полки многих русских княжеств, вторая — непосредственно к 1380 г., когда формировалось общерусское войско для отражения Мамай, третья — к походу великокняжеских полков на Великий Новгород в 1385 г.

Общерусская мобилизация ломала прежние удельные границы. Постепенное политическое объединение русских земель сделало возможным создание общерусского войска, и, в свою очередь, мобилизация военных сил в масштабах всей страны на отпор монголо-татарским ханам способствовала дальнейшему их объединению под главенством Москвы.

В назначенные сроки рати из различных городов собирались в условленных пунктах, объединялись в полки под командованием великокняжеских воевод. В одном полку могли быть отряды многих городов.

Мобилизационные мероприятия касались не только военных слуг князя и дружинников, но и ополченцев. Ремесленники и торговые люди составляли «городовые» полки, которые выступали в поход под командованием своих тысяцких и вливались в общерусское войско. Крестьяне выставляли ополченцев-ратников с определенного числа дворов. Единая организация сбора войска способствовала мобилизации всех сил страны, объединению их под командованием великого князя.

Единство общерусского войска обеспечивалось также общностью политических целей: несмотря на классовые противоречия, неизбежные в феодальном обществе, в свержении монголо-татарского ига были заинтересованы все слои населения, от владетельного князя до про-

столюдина. Поэтому война с монголо-татарами при великом князе Дмитрие Ивановиче носила общенародный характер. -

Огромное по тем временам войско собрал князь Дмитрий Иванович, равное которому еще не знала русская история. Его состав исчислялся 150 тысячами человек.

Значительные изменения произошли также в тактике русского войска. Русский военный «обычай» и до Дмитрия Донского выгодно отличался от рыцарских боевых порядков Западной Европы. Рыцари обычно строились для боя по шаблону, в колонну или в линию, причем их силы равномерно распределялись по всему фронту. Русское же войско делилось на полки: большой полк, полки правой и левой руки. Это облегчало управление во время боя, позволяло маневрировать силами, применять разнообразные построения, сосредоточивать на решающем направлении ударные группировки. В зависимости от обстановки и особенностей тактики противника главные силы сосредоточивались то в центре, то на флангах. Так, прославленный русский полководец Александр Невский во время Ледового побоища сосредоточил отборные силы дружинной конницы на флангах и неожиданными ударами сумел наголову разгромить рыцарей-крестоносцев, направивших свои главные силы в центр русского войска. При Дмитрии Донском русский боевой строй стал еще более совершенным и гибким. Кроме трех основных полков выделялись еще три: сторожевой, передовой и засадный. В Куликовской битве русский шестиполковой строй оказался неожиданным для Мамаея. Сторожевой полк помешал ему использовать конных лучников,

которые не были допущены на расстояние полета стрелы к основному русскому строю и не оказали сколько-нибудь заметного влияния на ход сражения, а засадный полк своей неожиданной атакой сломил ордынское войско.

Русский боевой порядок был расчленен по фронту и в глубину.

Далеко вперед, навстречу неприятелю, заблаговременно высылались сторо́жи, которые выполняли роль боевого охранения и предотвращали неожиданные нападения. Одной из задач сторож была борьба с разведкой противника.

Во время сближения главных сил перед сражением впереди ставился сторожевой полк. Он первым завязывал бой, не давал отрядам конных лучников приблизиться к боевому строю русского войска. Под прикрытием сторожевого полка русские воеводы имели возможность произвести перестановки полков, когда уже обозначалось направление главного удара противника.

Затем вступал в битву передовой полк, который сдерживал первый натиск противника, сбивал темп атаки и ослаблял удар по главным силам.

Решающая роль в сражениях отводилась большому полку, в составе которого был и «двор» великого князя; обычно в центре большого полка находился великокняжеский стяг (флаг). Плотные пехотные шеренги большого полка обладали большой устойчивостью в бою, были способны отразить вражеские атаки и перейти в наступление. Действия пешцев поддерживались конными дружинами, состоявшими из военных слуг великого князя и отборных от-

рядов других князей. Большой полк составлял основу боевого порядка.

Полки правой и левой руки, состоявшие в основном из конницы, прикрывали большой полк от фланговых ударов, стремились сами нанести удары по «крыльям» вражеского войска, а в случае успеха устремлялись в преследование.

Засадный полк выполнял роль общего резерва. Он ставился в укромном месте позади или за флангом основного боевого строя: в лесу, в овраге, за возвышенностями. Удар отборной дружинной конницы засадного полка, неожиданно наносившийся во фланг или в тыл противника в решительный момент, приносил победу.

Полки были основными тактическими единицами русского войска, они объединяли под единым командованием рати разных городов и княжеств. Возглавлялись полки лучшими, наиболее опытными воеводами, которые назначались самым великим князем. Если даже во главе какого-нибудь полка оставался удельный князь, то в помощь ему назначались воеводы. Полки имели единообразную организацию, подразделялись на тысячи, сотни, десятки во главе с тысяцкими, сотниками, десятниками. Каждый полк воевал под своим стягом.

Для сражения полки выстраивались сомкнутым строем, глубина которого достигала двадцати шеренг. Прорвать такой строй атаками легкой ордынской конницы было очень трудно, и русские военачальники часто использовали это построение в битвах с ордынцами. Прочность русского боевого строя обеспечивалась его монолитностью, взаимодействием отдельных

полков и наличием общего резерва — засадного полка, а также частного резерва, который ставился позади большого полка.

Для рыцарской западноевропейской конницы было характерно полное отсутствие управления войсками во время сражения. Когда противники сходились врукопашную, сражение разделялось на множество рыцарских единоборств-поединков. Русские полководцы управляли своими войсками и в ходе сражения. Это управление осуществлялось подъемом или опусканием стягов, сигналами труб, заранее предусмотренными действиями отдельных полков в различных боевых ситуациях. Примером такого активного воздействия на ход сражения была неожиданная атака во фланг и тыл прорвавшейся ордынской коннице засадного полка во время Куликовской битвы, а также одновременная контратака других русских полков.

Все полки находились под единым командованием великого князя. Дмитрий Иванович обычно собирал на военный совет князей и воевод, но ответственные решения принимал лично. Авторитет великого князя был достаточно высоким, чтобы обеспечить ведение войны по единому плану, осуществлять руководство всем войском, независимо от того, из какого княжества пришли те или иные рати. В результате Мамай встретил на Куликовом поле не разрозненные феодальные дружины, а единое общерусское войско, и в этом была одна из главных причин блистательной победы русского оружия.

Изменилась не только организация и тактика русского войска. Повысилось качество боевой выучки русских воинов. Военные историки еди-

нодушно отмечают значительный рост воинского мастерства русских ратников. Русский воин второй половины XIV в. одинаково хорошо владел всеми видами оружия: и луком, и копьем, и мечом. Свидетельством этой «универсализации» было исчезновение специальных отрядов лучников.

Однако остатки феодальной раздробленности еще сохранялись в войске — потребовалось столетие, прежде чем страна достигла централизации и образования единого Русского государства. Князья и бояре приходили на войну со своими военными отрядами, под своими стягами, неохотно подчинялись строгой военной дисциплине. В установлении единоначалия в русском войске огромная заслуга принадлежит великому князю Дмитрию Ивановичу, который проявил себя выдающимся военным организатором. Он лично принимал участие во всех больших походах и сражениях. Дмитрий Донской был князем-воином, непосредственно руководил полками, и само общерусское войско создавалось его трудами. Тем значительнее была его военная и государственная деятельность, которая позволила объединить военные силы русских земель задолго до образования единого государства и нанести Орде ощутимый удар.

Боеспособность войска во многом зависит от качества вооружения. Даже самые совершенные организационные формы, самые новаторские тактические приемы не обеспечат успеха, если воины не вооружены совершенным для своего времени оружием. Экономический подъем, который переживала Русь в XIV в., мастерство русских оружейников, сосредоточение значительных материальных ресурсов в руках

великого князя позволили вооружить войско разнообразным наступательным и защитным оружием.

Самым распространенным оружием конницы и пехоты по-прежнему оставалось копье. Это было ударное оружие, которое с одинаковым успехом применялось и для атаки, и для отражения наступавшего противника. Сомкнутый строй русских воинов, «ощетинившихся» длинными копьями, был непреодолим для ордынской конницы. Копья были самыми разнообразными — с трехгранными, четырехгранными и листовидными наконечниками. Но в русском войске при Дмитрии Донском наибольшее распространение получили одинаковые копья — с узколистным наконечником удлинненно-треугольной формы, не превышавшим по ширине 2—3 см, с массивной втулкой и длинным крепким древком. Такие копья «таранного» действия легко пробивали татарские доспехи, которые обычно изготовлялись из кожи с нашитыми на нее железными и медными бляхами. Кроме того, широкое распространение получили метательные копья — сулицы, короткие, легкие, с кинжаловидными наконечниками. Такие малые копья не только метали во врага на расстоянии, но и пользовались ими в рукопашном бою. В общей рукопашной схватке, когда перемешивались ряды, такие сулицы были гораздо удобнее, чем длинные ударные копья.

На вооружении пешцев-ополченцев кроме копий находились массивные тяжелые рогатины с наконечниками лавролистной формы, боевые топоры, секиры-чеканы, палицы, разнообразной формы кинжалы и ножи.

Основным оружием дружинной конницы по-

прежнему оставался прямой русский меч, прославленный сказителями былины как богатырское оружие и отличительный признак витязя. Русский меч был длиной 120—140 см, с колюще-рубящим клинком. Особенно эффективными были мечи в сражениях с рыцарями-крестоносцами, закованными с головы до ног в железные латы: они позволяли наносить очень сильные рубящие и колющие удары. Однако в схватках с быстрой и легкой ордынской конницей, обычно не имевшей железных доспехов, сражаться мечом было не очень удобно. Меч был слишком тяжел, а сила ударов не имела особого значения. Поэтому в войнах со степняками русские воины применяли сабли — длинные, тонкие, с резко загнутыми к концу клинками. Вообще, русские воины старались выбрать самое опасное для врага оружие. Они выходили на бой с «кованой ратью» рыцарей с длинными мечами в руках, а на ордынцев — с легкими саблями. В войске великого князя Дмитрия Донского, выступившем на битву с Мамаем, саблями были вооружены многие всадники.

Обычным оружием дальнего боя в русском войске были луки и стрелы, реже — самострелы (арбалеты), которые в основном использовались при обороне крепостей.

Русские воины имели превосходное по тому времени защитное вооружение. Именно в защитном вооружении русское войско значительно превосходило ордынцев, и это постоянно обеспечивало ему преимущество в рукопашном бою. Головы русских воинов защищали плавно вытянутые и заостренные кверху шлемы-шпаки, с металлическими наушиями и кольчужной сеткой — бармицей, которая прикрывала

шею; шлемы венчались пучками перьев или разноцветными маленькими флажками — яловцами. Кольчужный доспех, известный со времен Древней Руси, стал теперь прочнее и надежнее. В XIV в. получила распространение «дощаная защита» — чешуйчатая, пластинчатая или наборная броня. Такая броня состояла из множества мелких железных пластинок, закрепленных на кожаной или матерчатой основе и находивших друг на друга наподобие черепицы (отсюда — чешуйчатая броня). Такой доспех выдерживал самые сильные удары. Обычно железные пластинки доспеха комбинировались с кольчугой. Гибкая кольчужная ткань использовалась для защиты наиболее подвижных частей тела: шеи, плеч, талии, а на груди делалось крепкое пластинчатое покрытие. В отличие от кованых рыцарских лат, очень тяжелых и стеснявших движения, русские доспехи были легкими и удобными в бою.

Облик русских воинов дополняли яркие — синие, зеленые или красные — длинные, поколенные рубахи, зеленые плащи, красные щиты, яркие разноцветные ленты на древках копий, развевающиеся на ветру яловцы. По словам летописца, русское войско выходило на битву «цветно и доспешно».

Длинные миндалевидные щиты, обычные для древнерусского войска, при Дмитрии Донском почти повсеместно заменялись небольшими круглыми щитами, которые прикрывали только лицо, плечи и грудь. Крепче и надежнее стали доспехи — вражеские сабли и стрелы не могли пробить «дощаной брони», и это позволило отказаться от больших тяжелых щитов. Круглые легкие щиты, предназначенные не

только для защиты, но и для активного отражения ударов, были удобнее в бою. Они делались обычно из дерева, обитого кожей, и укреплялись металлическими полосами и бляхами. Щиты украшались изображениями ликов, звериных морд, звездами, розетками и другими узорами. Наряду с круглыми в русском войске появились небольшие треугольные, сердцевидные и прямоугольные щиты, тоже удобные для рукопашного боя.

В целом по своему вооружению русское войско во второй половине XIV в. превосходило ордынскую конницу, и это было одним из условий победы. Куликовскую битву выиграли не только русские ратники, непосредственно сражавшиеся за Доном с полчищами Мамаея, но и неизвестные русские умельцы, ремесленники-оружейники, которые снарядили своих защитников надежным, удобным оружием.

Одним из условий, обеспечивших победу Руси в войне с Мамаем, явилась организация Дмитрием Донским задолго до похода сторожевой службы на опасной южной границе, разработка им системы оборонительных мероприятий, позволивших своевременно и надежно подготовиться к отражению ордынских набегов.

Русь уже имела огромный опыт обороны стеной границы от набегов кочевников. Со времен Древней Руси великим киевским князьям приходилось постоянно заботиться об обороне юга, потому что причерноморские степи были столбовой дорогой многочисленных и воинственных азиатских кочевых орд. Кочевники переходили Волгу и двигались дальше на запад в непосредственной близости от русских рубе-

жей. В степях складывались сильные в военном отношении государственные объединения кочевников, для которых грабительские походы на соседние оседлые страны были постоянным источником получения богатств. Хазары, печенеги, торки, половцы сменяли друг друга в южных степях, и все они нападали на русские земли. В напряженной борьбе с кочевниками складывалась государственная система обороны южной границы Древней Руси. Эта оборонительная система включала укрепленные линии вдоль пограничных рек, крепости с постоянными гарнизонами, огневую и дымовую сигнализацию о приближении степняков; широко использовались естественные препятствия — лесные массивы, болота, овраги, крутые берега рек. Для защиты южной границы собирались рати из всех городов и областей Древней Руси, борьба с кочевниками, возглавленная великими киевскими князьями, приобрела общенародный характер. «Богатырские заставы» на краю Дикого поля успешно сдерживали натиск кочевников.

Однако в XII в. началась феодальная раздробленность. Единая оборонительная система на юге была нарушена. Князья теперь больше заботились о защите своих собственных княжеств, чем о совместной борьбе с кочевниками. Соответственно строились и новые укрепления. Например, Рязанское княжество прикрывали со стороны Дикого поля лишь крепости Пронска и далеко выдвинутого на юг Воронежа, а с севера, со стороны Владимиро-Суздальского княжества, была построена целая цепь крепостей: Коломна, Ростиславль, Борисов-Глебов, Переяславль-Рязанский, Ожск. Владимирские

князья казались рязанским владетелям более опасными врагами, чем степняки-половцы.

Окончательно была разрушена оборона южной границы в результате монголо-татарского завоевания. В огне батыева погрома сторели пограничные крепости, в сражениях с завоевателями погибли их храбрые гарнизоны. Ордынские «царевичи» и мурзы беспрепятственно вторгались в русские земли, грабили население и угоняли в плен. Продолжавшаяся феодальная раздробленность и междоусобные войны не позволяли русским князьям основательно заняться укреплением южной границы. Условия для восстановления государственной системы обороны юга начали складываться только с середины XIV в., когда Москва стала во главе общенародной борьбы с Ордой. Первые шаги в этом направлении были сделаны великим князем Дмитрием Ивановичем. Создавая оборону южной границы, великий князь опирался на богатейший боевой опыт Древней Руси.

Готовясь к открытой войне с Ордой, князь Дмитрий расставил крепкие заставы на рубежах своего княжества. Одни заставы прикрывали Московское княжество с запада и северо-запада, от литовцев и немецких рыцарей, другие — со стороны степей. Степным заставам уделялось главное внимание, потому что самым опасным врагом в то время была Орда. Московские сторожи уходили далеко в степи, на пути возможных ордынских походов. В летописном рассказе о Куликовской битве есть, например, упоминание о «муже некоем, именем Фома Кацыбей», который был «крепок и мужественен зело, и того ради поставлен был стражем от великого князя на реке на Чире на крепкой

стороже от татар». Много таких «крепких и мужественных мужей» стерегли Русь со стороны Дикого поля. Московские воеводы получали от них вести об опасности и имели время собрать полки и двинуть их навстречу ордынцам. Хорошо организованная сторожевая служба позволила Дмитрию Ивановичу перейти к стратегии *активной обороны*, не ждать нападения на Московское княжество, а самому встречать ордынцев за пределами своих владений. До Куликовской битвы московские полки трижды выходили навстречу ордынским ратям, и все три этих активных маневра имели полный успех.

Первый поход московских полков был в 1373 г. По свидетельству летописца, тогда «пришли татары ратью из Орды от Мамаю на Рязань, на великого князя Олега Ивановича Рязанского, и грады его пожгли, и людей много множество избили и пленили». Опасность угрожала и Московскому княжеству, но «князь великий Дмитрий Иванович Московский, собравшись с силою своею, стоял у реки Оки на берегу и татар не пустил, и все лето там стоял». Своевременное выдвижение к «берегу» московской рати заставило ордынцев отступить.

В 1376 г., когда у великого князя Дмитрия Ивановича снова было «размирье с татарами» и войско Мамаю напало на Нижний Новгород, московские полки опять двинулись к степной границе. На этот раз Дмитрий Иванович смело перешел реку Оку, чтобы встретить ордынскую конницу вдали от своего княжества. Однако ордынцы не решились напасть на русское войско, изготавившееся к бою, и поспешно отступили.

Наконец, в 1378 г., когда Мамай послал на Русь своего военачальника Бегича с сильным войском, «князь великий, собрав силу, пошел против их в Рязанскую землю, за Оку-реку, и встретился с татарами у реки у Вожи». Эта «встреча» закончилась сокрушительным поражением ордынцев и гибелью самого Бегича.

Смелые рейды за Оку-реку совершались московскими полками в моменты наибольшей опасности, а основным оборонительным рубежом на юге Московского княжества был в то время «берег» реки Оки от Коломны до Серпухова. Ниже устья Москвы-реки, которое за-пирала Коломенская крепость, начиналась болотистая, заросшая дремучими лесами Мещерская низменность, непроходимая для ордынской конницы, а западнее Серпухова уже были литовские владения.

Таким образом, левый фланг «берега» прикрывала сильная крепость в Коломне. Сюда вела из Москвы прямая водная и сухопутная дорога, и именно в Коломне обычно собирались великокняжеские полки для обороны «берега» или для похода за Оку, навстречу ордынцам. На правом фланге «берега» стояла крепость города Серпухова, удела соратника и ближнего друга великого князя, его двоюродного брата Владимира Андреевича, по прозвищу Храбрый. Кроме Серпухова Владимиру Андреевичу принадлежал и Боровск, являвшийся сильной крепостью на литовском рубеже. Стратегическое значение Серпухова было огромно: он не только запирает правый фланг «берега», но и прикрывал московские владения со стороны Литвы. Укреплению Серпухова уделялось большое внимание. В 1378 г. князь

Владимир Андреевич «заложил град Серпухов в своей отчине и повелел срубить его весь из одного дуба». Крепости из дуба считались на Руси самыми надежными.

«Град» в Серпухове был дополнительно усилен укреплениями Высоцкого монастыря, стоявшего на крутом и высоком берегу реки Нары. Кроме того, на реке Оке несколько выше Серпухова была построена еще одна крепость — Новый городок. В результате Серпухов превратился в мощный стратегический узел обороны, способный отразить сильного врага как с юга, со стороны Орды, так и с запада, со стороны Литвы. Великий князь Дмитрий Иванович мог смело выдвигать свои полки за реку Оку, не опасаясь фланговых ударов и обходных маневров Мамай: «берег» реки Оки с его сильными крепостями и заставами на бродах и «перелазах» надежно прикрывал московские владения.

При великом князе Дмитрии Ивановиче была значительно укреплена и столица княжества — город Москва. Дубовые стены Кремля, построенные еще при деде Дмитрия — Иване Калите, обветшали, сильно пострадали от многочисленных пожаров и осад. Поэтому в 1366 г. после «совета» со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем и боярами Дмитрий принял решение о строительстве каменной крепости в Москве. Той же зимой в столицу начали возить белый камень из подмосковных каменоломен — первый каменный московский Кремль должен был стать воистину белокаменным.

Строительство каменного Кремля велось необычайно быстро и интенсивно. Весной

1367 г. Кремль был заложен, и в том же году возведены основные стены и башни. Теперь даже в случае прорыва ордынцев в пределы Московского княжества столица была надежно защищена каменными стенами.

Укрепление «берега» и строительство каменного Кремля имело огромное значение. Это позволило Дмитрию Ивановичу перейти к стратегии активной обороны, к дальним походам за Оку, навстречу ордынским ратям. Создание системы крепостей было одним из этапов подготовки к войне с Ордой.

Огромных народных усилий и затрат потребовало создание и вооружение общерусского войска, организация сторожевой службы на бескрайней южной границе, строительство крепостей и укрепленных линий. Все эти затраты могли окупиться лишь одним — решительной победой над Мамаем. И эта победа была достигнута в кровопролитном «Донском побоище», на славном Куликовом поле.

РУСЬ ПОДНИМАЕТСЯ НА ВОЙНУ

Полчища Мамаея двинулись на Русь летом 1380 г.

Русские летописцы, осмысливая события грозного 1380 года, по-разному объясняли причины нашествия Мамаея и его цели. Одни утверждали, что правитель Орды просто хотел отомстить великому князю Дмитрию Ивановичу за жестокий разгром на реке Воже и гибель своего любимца Бегича. Другие считали, что Мамай своим походом хотел добиться возобновления дани, которую Дмитрий Иванович прекратил платить Орде. При этом эта

дань должна быть значительно больше, чем прежде. Третьи указывали, что Мамай «возгордился» и захотел повторить нашествие хана Батыя, во время которого была разорена почти вся Русь. Однако истинные причины, заставившие Мамай двинуть все силы Орды, были значительно глубже.

Русь постепенно высвобождалась из-под ордынской власти. Прекратилась выплата дани. Русские князья, и особенно Дмитрий Иванович, все чаще выказывали открытое неповиновение распоряжениям хана. Успешно проходило политическое объединение русских княжеств вокруг Москвы, и Русь явно готовилась к открытой войне с Ордой. Своим походом Мамай хотел внести резкий перелом в русско-ордынские отношения, сокрушить великого князя Дмитрия Ивановича или хотя бы привести его к повиновению. Разорив и ослабив Русь опустошительным нашествием, Мамай надеялся разрушить те объективные экономические и политические условия, которые вообще делали возможным свержение ордынского ига. При этом главный удар планировалось нанести по Московскому княжеству, которое возглавляло процесс объединения Руси и общенародную борьбу с завоевателями. В случае успеха Мамай Московскому княжеству угрожало расчленение, потеря важнейших территорий и низведение его до уровня второстепенного удела. Речь шла, таким образом, не о простом грабительском походе Мамай, а о большой войне, предпринимавшейся Ордой с далеко идущими политическими целями.

Об этом же свидетельствовала и тщатель-

ная подготовка войны Мамаем, его стремление объединиться со всеми врагами московского князя. В своей борьбе он рассчитывал использовать русско-литовские противоречия и противоречия между соперничавшими русскими князьями. Литовский великий князь Ягайло, обеспокоенный ростом могущества Москвы, охотно присоединился к Мамаю. Обещал свою поддержку и рязанский князь Олег. В результате против великого князя Дмитрия Ивановича создалась целая коалиция врагов.

Над Русью нависла грозная опасность.

Мамай собрал огромное по тому времени войско; по существу, это были объединенные военные силы всей Орды. По свидетельству летописца, он выступил в поход «со всеми князьями ордынскими и со всею силою татарскою и половецкою», а по пути еще «многие орды присоединил к себе».

Однако собственного войска, даже очень большого, Мамаю показалось недостаточно. Он помнил о блестящей победе великого князя Дмитрия Ивановича, одержанной им на реке Воже летом 1378 г., о своих прошлых попытках прорваться в московские владения и так решительно пресеченных русскими полками. По свидетельству летописца, приближенные настоятельно советовали Мамаю: «...пошли нанять генуэзцев, черкесов, ясов и другие народы». И Мамай послушался своих советников. Для похода на Русь он нанял военные отряды из Крыма, подвластного тогда Орде, с Северного Кавказа, из Поволжья. Летописец перечисляет рати наемников: «бесермены и армяне, фрязы (генуэзцы), и черкесы, и буртасы».

В военном отношении особое значение имело привлечение к участию в походе генуэзской пехоты, одетой в крепкие доспехи. Ударная сила генуэзского пехотного строя, вооруженного длинными копьями, умевшего наступать глубокой фалангой, была велика. Наличие генуэзской пехоты восполняло основную слабость ордынского войска — неумение сражаться в рукопашном бою. Мамай извлек урок из поражения на реке Воже, когда воины Бегича были смяты лобовой атакой русской дружинной конницы. Тяжеловооруженной русской коннице ордынский предводитель противопоставлял панцирную наемную пехоту.

По свидетельствам летописцев, в походе Мамай на Русь принимали участие некоторые князья мордовские, ясы и другие народы. Огромное разноязычное войско двинулось к русским границам. Войско Мамай превосходило по численности монголо-татарские полчища, завоевавшие полтора столетия назад всю Русь. Оно насчитывало от 150 до 200 тысяч человек и превосходило объединенные силы русских княжеств:

Поход Мамай начался в июне или в начале июля 1380 г. Летописцы сообщали: «Мамай перевезеся великую реку Волгу, и пришел на устье Воронежа, и тут стал со всеми силами, кочуя». Там, «в поле близ Дону», неподалеку от впадения в него реки Воронеж, ордынцы разбили станы в первую неделю августа и тотчас разослали во все стороны сильные разведывательные отряды.

Возле устья реки Воронеж Мамай простоял не менее трех недель, поджидая, когда вернутся его послы от великого литовского князя

Ягайло и рязанского князя Олега. Именно в это время уточнялся план их совместного похода на Русь.

По свидетельствам летописцев, ордынские послы в Литве и Рязани «учинили совет», с которым согласились и литовцы, и рязанцы: со всеми своими силами «стать на берегу у Оки на Семен день» (1 сентября). Место соединения ордынских, литовских и рязанских ратей было намечено в верховьях Оки, куда подходили литовские владения, — в районе впадения в Оку реки Угры. По дороге вдоль реки Угры двигался на соединение с Мамаем великий литовский князь Ягайло.

Рязанский князь Олег, приняв ордынских послов, в свою очередь направил посольства к Мамаю и Ягайло. Рязанский боярин Епифан Киреев подтвердил согласие своего князя «у Оки на берегу стать». Вскоре к Мамаю приехал литовский посол, который заявил о намерении Ягайло «приложиться» со своими полками к ордынскому войску и тут же от имени своего князя попросил ханский ярлык на «княжение Московское». Притязания Ягайло на московские земли полностью поддержал рязанский князь. Он послал грамоту в Литву с предложением поделить Московское княжество: «Мы царевым велением разделим княжение Московское между собою, часть к Вильне, часть к Рязани!»

Рязанский князь Олег претендовал на Коломну, Муром и Владимир, «что близко стоят к моему княжению», любезно соглашаясь «отдать» западные районы Московского княжества своему союзнику. В то же время осторожный и коварный князь Олег, чтобы застра-

ховаться от неожиданностей и оказаться в выигрыше при любом исходе войны, тайно послал в Москву предупреждение о готовившемся нашествии Мамай и заверил Дмитрия Ивановича в своей «дружбе». Летописцы заслуженно называли двурушного рязанского князя Иудой.

Однако предупреждение князя Олега запоздало. В Москве уже знали об опасности. Далеко за пределами московских владений, возле Дона, на обычном пути движения ордынских ратей стояла московская застава, «крепкие сторожевые по имени Родион Жидовинов, да Андрей Попов сын Семенов, да Федор Стремен Милюк, и иных 50 человек удалых людей двора великого князя». Ордынские разъезды сумели захватить русских дозорных в плен, когда они «объезжали» войско Мамай, чтобы установить его численность. Однако один из сторожей — Андрей Попов — сумел бежать из плена и 23 июля прискакал в Москву.

Андрей Попов сообщил великому князю Дмитрию Ивановичу: «Идет на тебя, государь, царь Мамай со всеми силами ордынскими, а ныне на реке на Воронеже». Это была первая «прямая весть» о походе Мамай.

Великий князь Дмитрий Иванович немедленно принял энергичные меры по организации отпора Мамаю. По словам летописца, он начал «собирать воинства много и силу великую, соединяясь с князьями русскими и князьями местными». Во все столицы русских княжеств были разосланы грамоты, в которых князьям предписывалось собирать военные силы: «...да готовы будут против татар». Назначено было место и время сбора общерусско-

го войска: «на Коломне месяца июля в 31 день».

Коломна была выбрана не случайно. Коломенская крепость прикрывала кратчайшую дорогу от «берега» Оки к Москве. Вместе с тем сюда по Москве-реке и по сухопутным дорогам удобно было идти русским полкам. В Коломне были сосредоточены запасы оружия и продовольствия для дальнейшего похода.

Первые меры Дмитрия Ивановича по организации обороны не были еще общерусской мобилизацией. В Москву вызывались лишь князья и воеводы, а полки готовились к войне в своих городах. Одним из первых прибыл в Москву князь Владимир Андреевич, который находился в то время «в своей отчине в Боровске».

Князь серпуховский и боровский Владимир Андреевич был одним из ближайших соратников Дмитрия Донского. Внук Ивана Калиты и двоюродный брат великого князя, он владел по наследству «третью Москвы». Опытный полководец, Владимир Андреевич участвовал во многих походах. В 1369 г. он оборонял Псков от немецких рыцарей, в 1377 г. успешно воевал с литовцами и с князем Андреем Ольгердовичем, будущим своим соратником по Куликовской битве, взял города Трубчевск и Стародуб.

Готовясь к войне с Мамаем, великий князь Дмитрий Иванович не забывал о литовской границе. Чтобы обезопасить Москву с запада, он решил заручиться поддержкой тверского князя. По свидетельству летописца, Дмитрий Иванович «послал к брату своему, к князю

Михаилу Александровичу Тверскому, прося помощи. Он же вскоре послал силу и отпустил к нему в помощь братанича (племянника) своего князя Ивана Всеволодовича Холмского».

С приехавшими в Москву князьями и воеводами Дмитрий Иванович начал «думу думать», разрабатывая планы надвигавшейся войны.

Между тем сторожи со степной границы присылали в Москву все новые и новые вести об ордынках. Гонцы сообщали, что «Мамай стоит на Воронеже, кочуя с многими силами, и хочет идти ратью», что «неложно Мамай грядет во многой силе». Однако тогда, в начале августа, еще не было ясно, когда Мамай нападет и куда именно будет направлен его главный удар. В Москве догадывались о возможности «единачества» Мамаю с Ягайло и рязанским князем Олегом, но, насколько далеко зашли их переговоры о совместном походе и о том, следовало ожидать нашествия одного Мамаю или войны с целой коалицией, не было известно. Мамай медлил, не двигался от устья Воронежа к русским рубежам. Неоднократно бывало, что ордынцы, приблизившись к русским землям и получив известия о готовности русских полков к отпору, неожиданно отступали. И великий князь Дмитрий Иванович, допуская такую возможность, не хотел проводить преждевременную общую мобилизацию в разгар сельскохозяйственных работ. Он выжидал, что предпримет Мамай. К тому же, чтобы разработать окончательный план войны, необходимы были дополнительные сведения, прежде всего о возможных союзниках Мамаю.

Вскоре надежды на возможное отступление Мамаю рассеялись. В Москву прибыло ордын-

ское посольство. По свидетельству летописца, послы Мамаю «просили дань, как при хане Узбеке и сыне его Джанибеке», то есть в гораздо больших размерах, чем Русь платила в прошлые годы. Требование Мамаю было явно неприемлемым, и Дмитрий Иванович ответил отказом. Послы, «глаголяху гордо», угрожали войной, потому что Мамай уже стоит «в поле за Доном со мною силою». Но Дмитрий Иванович проявил твердость.

Хотя великий князь и отправил к Мамаю ответное посольство, но он не рассчитывал предотвратить войну дипломатическим путем: требования Мамаю носили категорический характер, а принять их Москва не могла. Посольство к Мамаю имело скорее военный, разведывательный характер. Об этом свидетельствует состав посольства. Во главе его был поставлен не князь и не высокородный боярин, как было принято в отношениях с ордынскими «царями», а «некий юноша от двора великокняжеского, именем Захарий Тютчев». С ним отправился «крепкий сторож» Андрей Попов и «два толмача, умеющих татарский язык».

Посольство даже не доехало до стана Мамаю. По словам летописца, Захарий Тютчев дошел только «до земли Рязанской и, слышав, что Олег князь Рязанский и Ягайло князь Литовский приложились к царю Мамаю, послал втайне скоровестника к великому князю на Москву». Эти сведения имели исключительно важное значение. Стратегическая обстановка прояснилась: Руси предстояло вести войну с целой коалицией — Ордой, Литвой и Рязанью. С учетом этого и разрабатывались оборонительные мероприятия.

Стратегический план, принятый великим князем Дмитрием Ивановичем, был активным, наступательным. Основные его положения сводились к следующему. Во-первых, Дмитрий Иванович старался предотвратить объединение ордынских, литовских и рязанских сил, чтобы активным наступлением разгромить самого опасного противника — Мамаю до подхода союзников последнего. Во-вторых, было решено встретить ордынцев за пределами русских земель, в верховьях Дона. Чтобы осуществить это, необходимо было смело перейти с войском через Оку и первыми нанести удар.

Для успешного выполнения стратегического плана крайне необходимы были точные сведения о движении и намерениях Мамаю, и Дмитрий Иванович начал усиленную разведку. По словам летописца, он «послал на сторожу крепких оружейников, Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика, Якова Ислебатева и иных, и повелел им на Быстрой или на Тихой Сосне стеречь со всяким опасением и под Орду ехать языка добывать, и истину уведать Мамаева хотения». Сторожевой отряд, посланный к истокам Дона «под Орду», был сравнительно немногочисленным — в нем было «крепких юношей 70 человек». Однако «сторожа в поле замедлилась», и Дмитрий Иванович «послал другую сторожу, Климента Полянина, да Ивана Всеслава, да Григория Судока и иных многих с ними, и повелел им вскоре возвратиться»; всего во второй стороже было 33 человека. Однако первая сторожа выполнила свою задачу и без воинов Климента Полянина. Вторая сторожа еще не успела дойти до Дона, как встретила Василия

Тупика, который вез захваченного «языка нарочитого царева двора».

Ордынский вельможа был доставлен в Москву и дал показания, важность которых трудно переоценить. Во-первых, он подтвердил факт сговора между Мамаем, Ягайло и князем Олегом, рассказав, что «неложно идет царь на Русь со многими ордами, и Ягайло Литовский, и Олег Рязанский». Во-вторых, от пленного в Москве узнали, что Мамай не торопится, поджидает союзников, и в ближайшее время нет опасности вторжения: Мамай «не спешит того ради, что осени ждет, хочет осенью быть на русские хлебы». Медлительность Мамаея давала возможность великому князю Дмитрию Ивановичу собрать полки и захватить в свои руки стратегическую инициативу.

После получения сведений от «языка нарочитого» великий князь перенес сбор войска в Коломне на более поздний срок: обстановка позволяла не спешить. Дмитрий Иванович «повелел всему воинству своему быть на Коломне на успенье», то есть 15 августа. Под Коломной рати различных городов и княжеств должны были переформироваться в полки под командованием великокняжеских воевод и подготовиться к походу за реку Оку. «Тогда пересмотрю полки, — объявил Дмитрий Иванович, — и каждому полку поставлю воеводу».

Одновременно в Москву и Коломну начали стягиваться рати. Как видно из сообщений летописцев, в Коломну сходились военные отряды близлежащих земель, а остальные войска, первую очередь из северных и северо-восточных областей, сначала собирались в Москве,

чтобы затем во главе с самим великим князем направиться к Коломне.

Сосредоточение общерусского войска в столице произвело огромное впечатление на современников. Одно перечисление собравшихся в Москве ратей занимает в летописях целые страницы. Пришли белозерские князья Семен Михайлович и Федор Семенович, и было «вельми доспешно и конно войско их». Прибыли с отрядами кемский князь Андрей, каргопольский князь Глеб и андомские князья. Несколько позднее подоспели со всеми своими силами ярославские князья, князья прозоровские Андрей и Семен, ростовский князь Дмитрий, серпейский князь Лев, курбский князь Лев, устюжские князья. Вологодско-Пермская летопись упоминала о прибытии сильного отряда из Великого Новгорода: «...выехали посадники из Великого Новгорода, а с ними 7000 человек к великому князю на помощь». Но раньше всех сошлись в столицу рати московских городов и земель. Это была общерусская мобилизация. Автор поэтического произведения о Куликовской битве рязанец Софоний писал: «На Москве кони ржут, звенит слава по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дону великого на берегу. Звенят колокола вечевые в Великом Новгороде... Тогда как орлы слетелись со всей северной страны. То не орлы слетелись, съехались все князья русские к великому князю Дмитрию Ивановичу и к брату его князю Владимиру Андреевичу, говоря им так: «Господин князь великий, уже поганые татары на поля наши наступают, а вотчину нашу отнимают, стоят между Доном и Днеп-

ром на реке на Мече. И мы, господин, пойдем за быструю реку Дон, соберем диво для земель, повесть для старых, память для молодых, а храбрых своих испытаем, а в реку Дон кровь прольем за землю Русскую!..»

Пока собиралось войско в Москве, великий князь Дмитрий Иванович съездил в Троицу, к игумену Сергию Радонежскому, который занимал позицию решительной борьбы с Ордой.

Игумен благословил Дмитрия на битву и предсказал победу: «Погубишь супостатов своих, как должно твоему царству. Только мужайся и крепись!» Он послал с Дмитрием двух монахов-воинов, Александра Пересвета и Андрея Ослябя, которые раньше, до монашества, «известны были как великие наездники в ратные времена: Андрей сотню гнал, а Александр двести гнал, когда сражались». Александр Пересвет стал одним из главных героев Куликовской битвы.

Во время пребывания великого князя в Троице к нему 18 августа снова «пришли вестники от Климента, старого поляника, что приближаются татары». Нужно было возвращаться в Москву, чтобы возглавить войско.

Вечером 19 августа великий князь возвратился в Москву. На следующее утро был объявлен поход; Дмитрий «хотел уже поутру выйти против безбожных татар».

Русское войско выступило из Москвы утром 20 августа. Автор «Сказания о Мамаевом побоище» красочно и взволнованно описывает этот торжественный момент. «Князь великий Дмитрий Иванович сел на своего любимого коня, и все князья русские и воеводы сели на коней своих. Солнце ему на востоке сияет ясно,

путь указывают его сродники, Борис и Глеб. Тогда точно соколы поднялись от золотых колодок, из града Москвы, возлетели под синие облака, возгремели своими золотыми колокольчиками, хотя напасть на многие стада лебединые. Это поднялись сыновья русские с государем, с великим князем Дмитрием Ивановичем, хотят ехать на силу татарскую».

Войско выходило из Москвы по нескольким дорогам: «...того ради не пошли одною дорогою, что невозможно было им вместиться». Конные и пешие рати потоками выливались из трех ворот Кремля — Спасских, Никольских и Константиново-Еленских. Брашевская дорога, по которой двигался со своими полками князь Владимир Андреевич, тянулась от Кремля вдоль берега Москвы-реки, мимо монастыря Николы на Угреше, через подмосковный стан Брашево. Поблизости от Боровских холмов, возле впадения в Москву-реку речки Пахры, там, где сейчас проходит Рязанское шоссе, находился тогда Брашевский, или Боровский, перевоз. По нему воины князя Владимира Андреевича переправились на другой берег Москвы-реки.

Болвановская дорога, по которой пошли со своим воинством белозерские князья, начиналась от современной Таганской площади: сто лет назад эта местность называлась Болвановкой, и местная церковь была известна под названием «Николы на Болвановке». Болвановская дорога примерно совпадала с современным Рязанским шоссе и сходилась с Брашевской дорогой у перевоза через Москву-реку.

Сам Дмитрий Иванович под черным великокняжеским знаменем выступил из Москвы

по Серпуховской дороге на село Котлы, расположенное у южной окраины Москвы.

Тысячи москвичей прощались со своими отцами, братьями, сыновьями, уходившими на смертный бой с ордынцами. Народ заполнил улицы и площади, взобрался на кремлевские стены и башни. Скрылись за поворотами дороги полки, и малолюдно стало в Москве. Для обороны столицы было оставлено резервное войско во главе с воеводой Федором Андреевичем Кошкой. Осталась в Москве под защитой каменных стен и великокняжеская семья.

К городу Коломне, месту сбора всех ратей, полки из Москвы пришли 24 августа, преодолев за три дневных перехода более 100 км. Такое быстрое движение свидетельствует о хорошей организации марша, высокой подвижности русской конницы и пеших ополчений.

Князя и воеводы, которые пришли в Коломну раньше, встретили великого князя за городом, на реке Северке (левый приток Москвы-реки). По просторному Девичьему полю Дмитрий Иванович в сопровождении князей и воевод проехал к городским воротам. На поле был назначен смотр всех собравшихся ратей.

Автор «Сказания о Мамаевом побоище» торжественно описывал: «В воскресенье после заутрени начали в ратные трубы трубить и в органы многие бить, знамена многие распростерты у сада Панфилова. Русские сыны заполнили поля коломенские, так что никому невозможно обозреть их очами от множества их войска. Князь же великий Дмитрий Иванович, выехав с братом своим с князем Владимиром Андреевичем, увидел множество собранного войска и возрадовался радостью великою». Ле-

топи́сец добавлял, что «от начала мира не была такова сила русских князей».

Рати были выведены на Девичье поле не просто для торжественного смотра. Княжеские дружины и ополчения из разных городов и княжеств были сведены в тактические боевые единицы — полки. Здесь же были произведены назначения воевод.

Во главе большого полка, основную силу которого составляли великокняжеский «двор» и московские рати, встал сам Дмитрий Иванович. С ним были белозерские князья, дружины которых славились на Руси хорошим вооружением и боевой выучкой, и известные воеводы Иван Родионович Квашня, Михаил Бренк и смоленский князь Иван Васильевич. В большой полк входили надежные полки коломенцев, владимирцев, юрьевцев, костромичей, переяславцев. Источники сохранили имена московских бояр-воевод, возглавивших эти полки: Микулы Васильевича, Тимофея Волуевича, Ивана Родионовича, Андрея Серкизовича. Все они прославились в Куликовской битве, многие пали за родную землю.

В полк правой руки, считавшийся вторым по значению после большого полка, был назначен ближайший соратник великого князя — князь серпуховский и боровский Владимир Андреевич. Он вел этот полк до Куликова поля и только перед самой битвой был переведен в засадный полк. Вместе с ним в полку правой руки были воеводами бояре Данила Белеутов, Константин Кононов, Федор Грунка, елецкий князь Федор, мецкерский князь Юрий, ростовский князь Андрей Федорович, стародубский князь Андрей Федорович,

Полк левой руки был доверен брянскому князю Глебу. Ему помогали воевода Лев Морозов, моложский князь Федор Михайлович и один из ярославских князей.

Тогда же был выделен передовой полк, возглавленный всеволожскими князьями Дмитрием и Владимиром; командовали они этим полком и в Куликовской битве. Воеводами в передовом полку были Микула Васильевич и белозерский князь Федор Романович.

Сохранился и другой вариант «рописи» русских полков под Коломной. По этой «рописи» кроме перечисленных полков были выделены еще сторожевой и засадный полки. Они должны были стать самостоятельными тактическими единицами непосредственно перед сражением, а во время похода входили в состав основных полков. Таким образом, великий князь Дмитрий Иванович заранее предусмотрел и боевое охранение (сторожевой полк), и общий резерв (засадный полк) для будущей битвы.

В сторожевой полк воеводами были назначены оболенский князь Семен Константинович, тарусский князь Иван, воеводы Андрей Серкизович, Михаил Иванович.

В засадный полк должен был перейти перед боем двоюродный брат великого князя — князь Владимир Андреевич, с ним в засадный полк назначались воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынец, брянский князь Роман Михайлович, кашинский князь Василий Михайлович, князь новосильский.

Воеводы назначались из великокняжеских бояр и доверенных князей. В полки объединялись рати самых различных городов и кня-

жеств. Не было прежнего строгого деления на удельные рати, войско имело общерусский характер.

Всего, по свидетельствам летописцев, в войске Дмитрия Ивановича было 23 русских князя, не считая многочисленных воевод. Кроме собственно московских полков по призыву великого князя Дмитрия Ивановича пришли рати из Пскова, Брянска, Тарусы, Кашина, Смоленска, Новосиля, Ростова, Стародуба, Ярославля, Оболенска, Мологи, Костромы, Ельца, Городца-Мещерского, Мурома, Кеми, Каргополя, Андома, Устюга, Коломны, Владимира, Юрьева, Белоозера, Переяславля-Залесского, Дмитрова, Можайска, Серпухова, Звенигорода, Боровска, Углича, Суздаля. Кроме русских полков на стороне Дмитрия Ивановича воевали отряды украинцев и белорусов. На службу к великому князю пришел из Волыни воевода Боброк со своими земляками, а один из Ольгердовичей — князь Андрей привел полоцкую рать.

Мобилизация охватила от половины до двух третей всех возможных военных сил Руси. Это было объединенное общерусское войско, вооруженные силы складывавшейся великорусской (русской) народности. Войско было однородным по национальному составу — подавляющее большинство в нем составляли русские, что обеспечивало внутреннее единство и высокие боевые качества. В этом было его большое преимущество перед разноязычным, разноплеменным ордынским воинством Мамай.

Общенациональный характер русского войска подтверждается его социальным составом. Кроме княжеских и боярских дружин под знаменами великого князя Дмитрия Ивановича

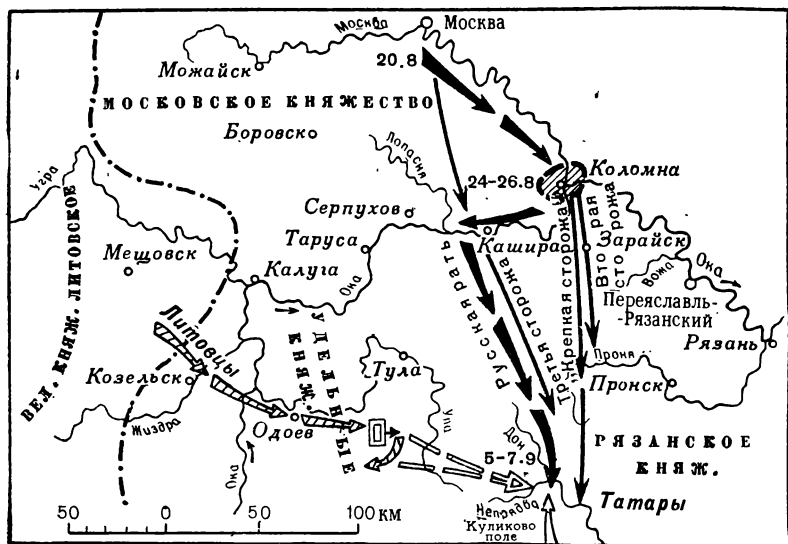
собрались многочисленные городские и крестьянские рати. По словам летописцев, великий князь собирал «всех людей», на битву вышла «вся сила русская», «многие люди», «сыны крестьянские от мала до велика». Особенно много «черных» людей было в пехотных ратях. А пешему воинству Дмитрий Донской придавал особое значение. Не случайно он поджидал пехотные рати на реке Оке, чтобы вместе идти на Мамай.

Таким образом, войско великого князя Дмитрия Ивановича было не только общерусским по территориальному охвату мобилизацией, но и общенародным по составу. Оно объединяло все социальные слои Руси. И это единение в решении великой национальной задачи — свержении ненавистного монголо-татарского ига — было залогом победы. На Куликовом поле победил русский народ, и величие Дмитрия Донского как полководца и государственного деятеля в первую очередь заключалось в том, что он сумел правильно понять и возглавить общенародное патриотическое движение.

ПУТЬ К ДОНУ

От Коломны до Куликова поля примерно 150 км. Этот прямой путь был хорошо знаком московским воеводам. Однако великий князь Дмитрий Иванович выбрал другой путь. Русское войско двинулось вдоль «берега» на запад, к устью реки Лопасни, которая впадала в Оку в 60 км от места сбора ратей. При таком маршруте до Куликова поля предстояло пройти около 190 км, путь войска удлинялся на полтора-два дневных перехода. Одна-

ко великий князь Дмитрий Иванович учитывал как политические, так и стратегические соображения.

Поход русской рати к Дону в 1380 г.

Политические соображения сводились к тому, что кратчайшая дорога к верховьям Дона, откуда надвигались полчища Мамай, проходила по коренным землям Рязанского княжества, мимо главных рязанских крепостей. А позиция рязанского князя Олега в разворачивающемся военном конфликте не была достаточно ясной. С одной стороны, рязанский князь сам предупредил великого князя Дмитрия об опасности ордынского вторжения, и это нельзя было расценить иначе как попытку сохранить мирные отношения с Москвой. Но, с другой стороны, нельзя было и игнорировать упорные слухи о том, что Олег «приложился»

к Мамаю и Ягайло и вместе с ними готовится к походу на Русь; слухи о «единачестве» Орды, Литвы и Рязани подтверждал «скоростник», присланный в Москву послом Захарием Тютчевым. Приходилось учитывать обе возможности. Если рязанский князь еще не решил окончательно выступить на стороне Мамаея, то вторжение московского войска на территорию своего княжества он мог воспринять как враждебный шаг, как повод для разрыва. Если же князь Олег уже находился в одном лагере с Мамаем и Ягайло, то продвижение русского войска по землям Рязанского княжества было бы сопряжено с большими трудностями, неизбежно сопровождалось бы боями и осадами крепостей, что грозило ослабить полки до решительного сражения с Мамаем. И в том, и в другом случае входить в пределы Рязанского княжества было неразумно, и Дмитрий Иванович решил обойти его с запада. Воеводам, полкам которых предстояло двигаться по западным окраинам владений князя Олега, было строго приказано не допускать разорений и захвата пленных. Последующие события показали правильность этого решения, русские полки беспрепятственно дошли до Куликова поля, а рязанский князь Олег так и не выступил с войском на помощь Мамаю.

Стратегические соображения сводились к тому, что нужно было прежде всего разъединить силы Мамаея и литовского князя Ягайло. Форсируя реку Оку не под Коломной, а возле устья Лопасни, великий князь Дмитрий как бы вклинивался между Мамаем, остановившимся в верховьях Дона, и великим литовским князем Ягайло, который медленно приближался со

стороны реки Угры. Смелый бросок русского войска от Лопасни на юг воспрепятствовал соединению самых опасных противников — Орды и Литвы, что соответствовало общему плану войны. Необходимо учитывать также, что движение по левому, «московскому» берегу реки Оки на первом этапе похода обеспечивало безопасность марша: с рязанской стороны войско прикрывала широкая и полноводная река. Полки шли по своим, московским волостям, по пути пополняясь людьми, не испытывая недостатка в продовольствии. Знаменитые приокские луга были удобны для выпаса коней, что тоже было немаловажно. Наконец, возле устья реки Лопасни, примерно на половине расстояния от Коломны до Серпухова, было удобнее всего соединиться с «остаточными войсками», которые не успели к назначенному сроку в Коломну. Сюда вела прямая дорога из Москвы. К устью Лопасни могли быстро подойти также отряды, прикрывавшие правый, «серпуховский» край оборонительной системы «берега».

Первым выступил из Коломны с главными силами сам великий князь, за ним двинулся князь Владимир Андреевич, а затем остальные полки. Возле устья Лопасни русское войско остановилось лагерем, поджидая подкреплений. Из Москвы вскоре пришли «все войско остаточные» во главе с московским тысяцким Тимофеем Васильевичем Вельяминовым. Летописцы отмечали, что тысяцкий пришел «со многими воинствами, что было осталось на Москве». Снова были пересчитаны и «устроены» полки. Выяснилось, что в русском войске еще недостаточно пехоты. А в открытом бою с многочисленной ордынской конницей именно

пешцы, сражавшиеся сомкнутым строем и вооруженные длинными копьями, обеспечивали устойчивость всего боевого порядка. Это хорошо понимал Дмитрий Иванович. «Была ему печаль, — рассказывал летописец, — что мало пешей рати, и оставил у Лопасни великого своего воеводу Тимофея Васильевича тысяцкого, когда придут пешие рати или конные, чтобы проводил их». Великий князь решил начать форсирование реки Оки главными силами, пешцы должны были догнать войско на походе.

В конце августа русские полки «начали возитися за Оку». Переправа заняла не один день, потому что через быструю и широкую в тех местах Оку предстояло перевезти многие десятки тысяч людей, коней, обозы с продовольствием и оружием.

Первым переправился на другой берег князь Владимир Андреевич, следом «перебродился с двором своим» Дмитрий Иванович. Великий поход к Дону, «под Орду», начался.

Стратегическая обстановка для русского войска создалась угрожающая. Конные полчища Мамай медленно надвигались со стороны Дона, и еще неизвестно было, куда точно они направляются и где возможно столкновение с ними русских авангардов. С запада двигались войска великого литовского князя Ягайло, они уже подходили к городу Одоеву, от которого до Куликова поля было примерно 115 км. За валами и стенами Старой Рязани притаилось войско князя Олега, намерения которого были еще неясны. От Старой Рязани до Куликова поля было немногим больше 100 км. Великий князь Дмитрий Иванович находился от места будущего сражения дальше, чем оба союзника Ма-

мая: около 125 км отделяли «берег» Оки от Куликова поля. Изменить стратегическую обстановку в его пользу могла только стремительность марша. И русские полки сумели выполнить эту сложнейшую задачу. Они опередили противника. Ни Мамай, ни князь Олег, ни Ягайло не ожидали от Дмитрия Ивановича таких решительных действий. Стремительный бросок русского войска к верховьям Дона застал их врасплох.

Великий литовский князь Ягайло дошел со своим войском до города Одоева и остановился, поджидая подхода Мамаю. Он рассчитывал, что московский князь ждет вторжения на основном оборонительном рубеже Московского княжества — на берегу реки Оки, а потому незачем утруждать войско лишними переходами, лучше дожидаться Мамаю возле Одоева и идти дальше вместе. Спихватился Ягайло слишком поздно, когда русское войско уже прошло мимо него, и опоздал к началу Куликовской битвы.

Рязанский князь Олег тоже бездействовал. Мамай, не имея вестей ни от литовцев, ни от рязанцев, продвигался медленно, неторопливо, делал частые остановки на придонских пастбищах. Он явно хотел соединиться со своими союзниками на достаточном удалении от русских рубежей. О надвигавшейся опасности Мамай не подозревал. Так далеко в Дикое поле русские полки не заходили уже давно, со времен Древней Руси. А хваленая разведка ордынцев оказалась явно не на высоте. Она просмотрела маневр русского войска.

Нерешительные, медлительные действия противника позволили великому князю Дмит-

рию Ивановичу достигнуть стратегической внезапности и вести войну по своему плану. Это во многом предопределило победу.

Быстрое продвижение русского войска к верховьям Дона изменило всю стратегическую обстановку. Мамай фактически лишился реальной помощи своих союзников и вынужден был принять генеральное сражение один на один. Это было главное. Враждебная Руси коалиция, которую так долго и старательно сколачивал ордынский правитель, фактически распалась. Рязанский князь Олег не смог соединиться с литовским союзником — русские полки вклинились между Одоевом, где стоял Ягайло, и Рязанью. И тогда он решил: «...кому из них господь поможет, к тому и присоединюсь!»

Примерно так же поступил и литовский князь Ягайло. Он «пришел к граду Одоеву и услышал, что великий князь собрал многое множество воинов, всю Русь, и пошел к Дону, и убоялся Ягайло, и остался там, и не двинулся далее». Спустя некоторое время он все-таки попробовал соединиться с Мамаем, но было уже поздно. Всего 30—40 км отделяли литовское войско от Куликова поля, но эти немногие километры так и остались непройденными. Получив известие о поражении Мамаея, Ягайло поспешно отступил.

Великий князь Дмитрий Иванович, конечно, понимал всю опасность движения между литовскими и рязанскими силами. Только хорошая организация разведки могла предотвратить неожиданное нападение с правого или левого фланга, со стороны Литвы или Рязани. И великий князь, переправившись через Оку, «отпустил третью стражу избранных витязей,

чтобы встретились с татарскими сторожевыми в степи: Семена Мелика, да Игнатия Креня, да Фому Тынину, да Петра Горского, да Карпа Олексина, Петрушу Чурикова и иных бывалых людей 90 человек». Разведка была задумана на большую глубину, до встречи с основными ордынскими силами. «Избранному боярину и крепкому воеводе» Семену Мелику было приказано «своими очами увидеться с татарскими полками». Разведывательные отряды были разосланы и в стороны Литвы и Рязани.

Точный маршрут, по которому двигалось русское войско на Мамаю, определить трудно. По летописям известно только общее направление движения: от устья Лопасни к верховьям Дона. Дмитрий Иванович намеревался встретить Мамаю где-то на Муравском шляхе, обычной дороге ордынских набегов. Этот шлях проходил через верховья Дона к городу Туле. На Муравском шляхе и лежало Куликово поле. И Дмитрий Донской выбрал это место для генерального сражения.

4 или 5 сентября русские полки пришли «на место, называемое Березуй, за тридцать три версты от Дона». Здесь к Дмитрию Ивановичу присоединились со своими полками Ольгердовичи, братья великого литовского князя Ягайло — Андрей и Дмитрий. Автор «Сказания о Мамаевом побоище» подробно рассказывает, как «князь Андрей Полоцкий и князь Дмитрий Брянский Ольгердовичи», обменявшись тайными посланиями, решили присоединиться к Дмитрию Ивановичу. Они обошли войско Ягайло через «Северу» (область Путивля и Брянска) и «нагнали великого князя на этой стороне Дона, на месте на Черном, на Бере-

зае», «силы с ними пришло 46 000 кованой рати». Конечно, численность войска Ольгердовичей значительно преувеличена автором «Сказания» (сам Ягайло имел не более 30 тысяч), но «кованая», т. е. одетая в латы, рать новых союзников Дмитрия Ивановича сыграла важную роль в Куликовской битве. Кроме того, открытый переход на сторону Москвы братьев Ягайло заставил последнего быть осторожнее. Примеру этих Ольгердовичей могли последовать другие литовские князья, относившиеся с симпатией к Руси. В тылу у Ягайло было явно беспокойно, и прибытие в Березуй полоцкого князя Андрея и брянского князя Дмитрия подтвердило это.

На Березуе великий князь Дмитрий Иванович получил точные сведения о местоположении войска Мамай и его действиях. В великокняжеский стан «приехали тогда двое из сторожевых, Петр Горский и Карп Олексин, и привели знатного пленника, из сановников царева двора. Тот пленник поведал: «Уже царь на Кузьмине гати стоит, но не спешит, ожидает Ягайло Литовского и Олега Рязанского, а о твоём войске царь не знает, не ждёт и встречи с тобой, а после трех дней будет он на Дону». Вести были чрезвычайно важные. За три оставшихся дня русские полки могли спокойно дойти до Дона и приготовиться к сражению.

Осторожно, непрерывно «вести переимая» от сторожевых отрядов, русское войско двинулось к Дону. Оно шло по левому, более безопасному берегу реки, так как Мамай, по сведениям сторожей, кочевал со своими главными

силами на другом берегу Дона; выдвижение русского войска к месту битвы прикрывала река. А со стороны Рязани походные колонны Дмитрия Ивановича прикрывала другая река — приток Дона Большая Тобола. Втягиваясь в междуречье Дона и Тобола, русское войско направлялось к Куликову полю.

Весь поход от Коломны до Дона протяженностью 190 км, включая стоянку у устья Лопасни и в Березуе, занял 11 дней. Великое искусство полководца заключалось в том, что русское войско беспрепятственно пришло в назначенный пункт, не растратив сил по пути, и успело занять выгодную позицию раньше противника. В выборе места боя Дмитрий Иванович диктовал Мамаю свою волю.

Утром 6 сентября передовые русские полки вышли к Дону неподалеку от устья реки Непрядвы. Стан русских был разбит у впадения в Дон речки Себинки, близ современного села Себино. Здесь, у Дона, произошло событие, оказавшее большое влияние на исход сражения с Ордой: в последний момент главные русские силы догнала пешая рать, которую так ждал Дмитрий Иванович. По словам летописца, к Дону «пришло много пешего воинства», «люди многие и купцы со всех земель и городов» — тысяцкий Тимофей Вельяминов выполнил поручение великого князя, дождался на Лопасне прихода пещцев и успел привести их к Дону накануне сражения.

Своевременное сосредоточение всех войск на берегу Дона перед началом Куликовской битвы — большой успех русских военачальников, подготовивший победу над Мамаем.

Между тем великий князь Дмитрий Иванович уже получил «прямые вести» о непосредственной близости ордынского войска. «Вестники сообщают, что татары приближаются ужасно в ярости», — отметил летописец. Другой летописец рассказывал: «В 6 день сентября прибежали семь сторожей в 6 часов дня, Семен Мелик с дружиною своею, а за ним гналось много татар, мало его не догнали, столкнулись с полками нашими и возвратились вспять, и сказали царю Мамаю, что русские, ополчившись, стоят у Дона, многое множество людей. И повелел Мамай своим воинам вооружаться».

Ордынские сторожевые отряды не напрасно гнались за дружиной Семена Мелика — он вез Дмитрию Ивановичу точные сведения о местоположении Мамае: ордынцы «на Гуснице, на броне стоят», всего в 8—9 км от реки Непрядвы. «Тут стражи нас узрели, — рассказывал Семен Мелик, — только переход в одну ночь между нами, утром Мамай должен быть на Непрядве-реке. Тебе, государю великому князю, подобает в этот же день полки приготовить к бою, чтобы не опередили татары. Теперь спешат татары!»

Война вступала в решающую стадию, противники сближались вплотную.

В придонской деревне Чернова собрались на последний совет русские князья и воеводы, соратники Дмитрия Ивановича. Нужно было решить, как поступить дальше: оборонять берег Дона, обрекая войско на пассивность и заранее отдавая инициативу Мамаю, или переходить Дон и биться с ним в открытом бою. Большинство хотело «пойти за Дон». Актив-

ные наступательные действия отражали настроения большинства воевод и простых воинов, и великий князь Дмитрий Иванович поддержал эти настроения. Переправа через Дон для боя с Мамаем логически вытекала из общего плана войны. Не для того русские полки покинули укрепления «берега» Оки, традиционный рубеж обороны Московского княжества, чтобы пассивно сдерживать ордынцев на одном из промежуточных водных рубежей, каким являлось верхнее течение Дона. Приняв наступательный план войны, выйдя на край Дикого поля в поисках решительного сражения с Мамаем, Дмитрий Иванович фактически предрешил донскую переправу. Совет был нужен для того, чтобы выяснить настроения военачальников и договориться об организации переправы.

Немедленную переправу через Дон диктовали соображения чисто военного характера. Трудно найти более удобное место для сражения с ордынской легкой конницей, составлявшей большую часть войска Мамаея, чем Куликово поле. Великий князь Дмитрий Иванович преднамеренно двигался к этому месту, и переправа через Дон была одним из этапов этого целенаправленного движения.

Дмитрий Донской отлично знал особенности военной тактики степняков. Ордынцы обычно начинали сражение яростными атаками конных лучников, которые осыпали противника ливнем стрел, связывали его боем, а тем временем главные силы ордынской конницы начинали опасные обходные маневры, наносили удары по флангам, старались окружить противника. Нужно было помешать Мамаю

использовать сильные стороны ордынской конницы, и это Дмитрий Иванович сделал удачным выбором места сражения.

Куликово поле с трех сторон было ограждено реками. С запада и северо-запада оно примыкало к правому притоку Дона — реке Непрядве, с севера — к самому Дону, с востока и северо-востока — к речке Рыхотке. Берега Дона и Непрядвы были крутыми, высокими, представляли непреодолимое препятствие для ордынской конницы. Мамай имел возможность наступать только с юга, со стороны Красного холма — отлогой возвышенности, расположенной почти в центре Куликова поля.

Куликово поле представляло собой обширную равнину, поросшую степными травами, прорезанную оврагами и долинами рек. Общие размеры Куликова поля достигали в ширину 8 км и 9 км в глубину, но ровная низинная часть — «поле боя» было значительно уже. В восточной части Куликова поля протекала речка Смолка, впадавшая в Дон, с глубокой долиной. На левом берегу Смолки, на возвышенности, находился густой лес, знаменитая Зеленая дубрава. Этот лес, а также русла Смолки и речки Курцы ограничивали здесь возможность маневра. С другой, западной стороны Куликова поля протекали речки Верхний, Нижний и Средний Дубяки — притоки Непрядвы. По их берегам тоже рос лес, долины были глубокими и обрывистыми. Так что удобное место для сражения большими массами войска между верховьями Смолки и Нижнего Дубяка было сравнительно небольшим, его протяженность по фронту не превышала 4—5 км, и русское войско могло закрыть

его сплошным сомкнутым строем. Фланги русского войска оказывались прикрытыми естественными препятствиями. Обходные маневры ордынской конницы на Куликовом поле были вообще невозможны — позади русского войска оказывались Дон и Непрядва. Самими особенностями местности ордынцы были поставлены перед необходимостью прямого, фронтального наступления, которого они не любили и к которому легковооруженная конница Мамай была плохо приспособлена. Великий князь Дмитрий Иванович вынуждал Мамай принять бой в невыгодных для него условиях.

6 сентября за Дон переправились только сторожевые отряды: именно в этот день из-за Дона «прибежал» с важными вестями Семен Мелик. Общая переправа через Дон должна была начаться на следующий день. Началась она утром 7 сентября и продолжалась до темноты. Вечером воеводы уже начали расставлять полки по своим местам.

Переправа проходила организованно, по полкам, причем каждый полк переходил реку по своему мосту. Воины переправлялись полностью вооруженными, в доспехах и со щитами — ордынцы были уже близко, и возможно было неожиданное нападение.

Когда переправа закончилась, Дмитрий Иванович приказал разрушить мосты — отступить теперь было некуда, позади оставалась широкая и глубокая река. Такое решение великого князя с чисто военной точки зрения было наилучшим в данной обстановке. Разрушив мосты через Дон, Дмитрий Иванович надежно прикрывал свое войско от опасности

тыловых ударов. А такая опасность была вполне реальной. Войско литовского князя Ягайло стояло уже на расстоянии одного дневного перехода от Куликова поля. Неожиданный рейд в обход русского войска могла совершить и ордынская конница, широко практиковавшая такие маневры. Прикрыв свой тыл рекой, Дмитрий Иванович применил новаторский для своего времени тактический маневр. По мнению военных историков, к признанию положительного значения реки для прикрытия тыла войска западноевропейская теоретическая мысль пришла только почти через три столетия, в период так называемой Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.). В конкретной же стратегической обстановке, имея за плечами сразу двух опасных врагов—литовского князя Ягайло и рязанского князя Олега, Дмитрий Иванович принял наиболее разумное с военной точки зрения решение.

Русское войско переправлялось через Дон в 1—2 км от устья реки Непрядвы, близ современной деревни Татинка, Куркинского района, Тульской области.

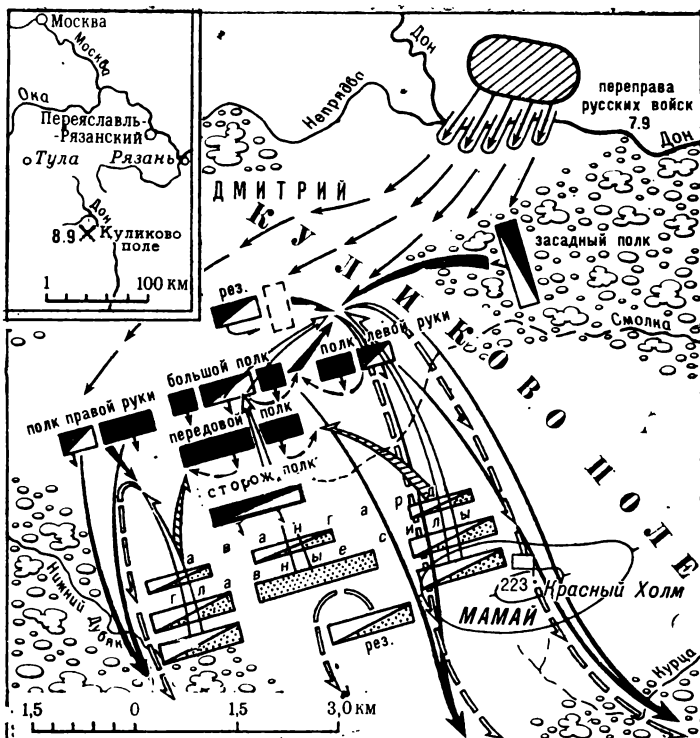
По словам летописца, русские полки «вышли в поле чисто в ордынской земле на устье Непрядвы», совсем ненамного опередив Мамая: 6 сентября его войско находилось в одном дне пути от Куликова поля, а в ночь на 8 сентября подошло к Красному холму. Отсюда до устья Непрядвы, где переправлялись русские полки, было всего 6—7 км. Но ордынцы опоздали. Русские полки без помех закончили переправу и начали выдвигаться к югу, к самому узкому месту Куликова поля, расположенному между долинами речек Смолки и Нижнего Ду-

бояка. Они сосредоточивались и выстраивались за холмами, невидимые татарским дозором, чтобы утром спуститься в низину и встретить ордынское войско. Противники стояли лицом к лицу. Решительная схватка приближалась.

По свидетельству летописца, «начал князь великий с братом своим Владимиром Андреевичем и литовскими князьями до шестого часу полки уряжать» (по современному счету времени это соответствует 10 часам вечера). Войска, таким образом, заняли свое место в общем строю до наступления темноты. Непосредственно расставлял полки на Куликовом поле Дмитрий Михайлович Боброк-Волынец, которого летописцы называли «нарочитым воеводой и полководцем и изрядным во всем».

Дмитрий Боброк приехал на службу в Москву из Волыни и быстро попал в число самых близких Дмитрию Ивановичу людей. Он женился на сестре великого князя Anne, сопровождал князя во многих походах. Вечером перед сражением Боброк «устраивал полки, где каждому полку подобает стоять». Это была большая честь и огромная ответственность. Именно на этом этапе войны особенно ярко проявились особенности военного искусства Дмитрия Донского как полководца, смело ломавшего традиционные тактические приемы, учитывавшего слабые и сильные стороны конкретного противника.

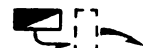
Русский строй был плотным и глубоким, способным выдержать сильную лобовую атаку. Он был расчленен по фронту и в глубину, что облегчало управление полками во время сражения. Дмитрий Донской выделил частный ре-

Бой русского передового полка с авангардом монголо-татар

Фронтальный удар главных сил монголо-татар и прорыв левого фланга русских войск

Перемещение резерва русских войск для прикрытия левого фланга и тыла большого полка

Внезапный удар засадного полка и разгром монголо-татар

Преследование монголо-татар русскими войсками

Куликовская битва 8 сентября 1380г.

зевр, задачей которого было подкрепление опасных участков основного боевого строя, и сильный общий резерв, который должен был решить исход битвы. Неожиданностью для ордынцев явилось выделение сторожевого полка как особой тактической единицы во время генерального сражения. Сторожевой полк не просто выполнял функции боевого охранения, его задачи были шире. Выделение сторожевого полка, состоявшего из легкой конницы, выбивало из рук Мамай грозный, неоднократно проверенный ордынскими военачальниками прием — губительные налеты конных лучников на неподвижный строй противника. Быстрые ордынские всадники подскакивали к противнику, осыпали его ливнем стрел и так же быстро откатывались назад, чтобы снова повторить нападение. Они наносили большие потери, изматывали противника до начала общей битвы, вносили замешательство в его ряды. Иногда противник вообще не выдерживал обстрела и начинал отступать, и тогда главные ордынские силы устремлялись в преследование. Но на Куликовом поле ордынских лучников должна была встретить легкая конница сторожевого полка, чтобы связать боем и не допустить до пешей рати.

Основная идея построения русских полков на Куликовом поле заключалась в том, чтобы вынудить ордынцев к невыгодной для них фронтальной атаке, сдержать эту атаку и неожиданным ударом засадного полка решить исход сражения.

Всего в русском боевом строю было пять линий. Впереди, на значительном удалении от основного войска, встал сторожевой полк под

командованием оболенского князя Семена и тарусского князя Ивана.

За ним находился передовой полк под командованием всеволожских князей Дмитрия и Владимира. Передовой полк, состоявший в основном из пеших ратей, должен был принять на себя первый удар ордынцев, задержать и ослабить его. Только после боя передового полка в сражение вступали главные силы русского войска, плотно перекрывавшие все пространство между долинами рек Нижнего Дубяка и Смолки.

В центре этой основной боевой линии стоял большой полк, в который входил и «двор» великого князя. Большой полк, самый многочисленный в русском войске, воевал под великокняжеским знаменем, в него входили конные и пешие рати. Командовал большим полком тысяцкий Тимофей Вельяминов. В состав большого полка вошла бóльшая часть «остаточной» пешей рати, которую он привел на помощь великому князю Дмитрию.

В одной линии с большим полком стояли полки правой и левой руки, защищавшие фланги русского строя; эти полки состояли в основном из конницы. Полком правой руки командовал литовский князь Андрей Ольгердович и коломенский тысяцкий Микула Вельяминов, полком левой руки — ярославский князь Василий и моложский князь Федор.

Позади главных сил, за большим полком, был поставлен частный резерв под командованием другого Ольгердовича — Дмитрия. Этот отряд был несколько смещен в сторону полка левой руки. Великий князь Дмитрий еще до начала сражения предположил, что Мамай по-

пытается опрокинуть левый фланг русского войска, чтобы отрезать главные силы от переправ через Дон, обойти их и прижать к обрывистым берегам реки Непрядвы, и именно здесь поставил частный резерв.

О предусмотрительности русского полководца свидетельствует сосредоточение позади опасного левого фланга, в Зеленой дубраве, засадного полка под командованием князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича и лучшего воеводы Дмитрия Боброка-Волынца. Если бы Мамай осуществил свой замысел прорыва левого фланга русского войска и начал оттеснять его к Непрядве, он неминуемо открыл бы тыл для внезапного удара засадного полка. А внезапность обеспечить было нетрудно: в густой Зеленой дубраве, которая росла на возвышенности южнее современного села Монастырщина, Кимовского района, Тульской области, можно было спрятать многочисленную конную рать.

Так, еще до битвы, ковалась будущая победа...

Стремительный поход в Дикое поле и особенно смелая переправа через реку Дон навстречу страшным ордынцам произвела огромное впечатление на современников. Автор «Задонщины» рязанец Софоний так описывал сближение двух огромных ратей: «Уже поднялись сильные ветры с моря на устья Дона и Днепра, пригнали большие тучи на Русскую землю; из них выступают кровавые зори, а в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому на речке Непрядве меж Доном и Днепром, пасть трупы человечьему на поле Куликовом, пролиться крови на речке Непрядве. Уже ведь

заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идут враги в Русскую землю. И прибежали серые волки от устья Дона и Днепра; став, воют на реке на Мече, хотят вступить на Русскую землю. Тогда гуси загоготали на речке на Мече, лебеди крыльями заплескали. Это не гуси загоготали, не лебеди крыльями заплескали, но поганый Мамай на Русскую землю пришел и воинов своих привел. А уже соколы и кречеты, белозерские ястребы рвались с золотых колодок из каменного города Москвы; взлетели они под синие небеса, загремели золочеными колоколами на быстром Дону, хотят ударить на многие стада гусиные и лебединые, а богатыри русские, удалцы хотят ударить на великие силы поганого царя Мамай. Тогда князь великий вступил в золоченое стремя, взяв меч свой в правую руку свою. Солнце ему ясно на востоке сияет, путь ему показывает. Что шумит, что гремит рано перед зорями? Князь Владимир Андреевич полки устанавливает и перебирает и ведет к Дону великому. Уже те соколы и кречеты, белозерские ястребы скоро за Дон перелетели и ударились о многие стада гусиные и лебединые. Это перевезлись и наехали сыновья русские на сильную рать татарскую, ударились копьями гибельными о доспехи татарские, загремели мечи булатные о шлемы вражеские на поле Куликовом, на речке Непрядве».

Но гром русских мечей о татарские доспехи будет завтра, а пока на Куликовом поле царилла тишина, нарушаемая только негромким топотом копыт и легким позваниванием оружия—полки неторопливо выходили к назначенным местам.

О последнем вечере и о ночи накануне битвы подробно писал автор «Сказания о Мамаевом побоище», и древнее сказание воскрешает величественное зрелище русских полков, разворачивавшихся на Куликовом поле.

«Князь великий Дмитрий Иванович, взяв с собою брата своего князя Владимира Андреевича, и литовских князей, и всех князей и воевод, выехал на место высокое. Погода ясная. Шумят знамена, вышитые золотом, простирая полотнища свои, как хоботы, точно облака, тихо они трепещут, точно хотят промолвить. Богатыри русские, как живые хоругви, движутся. Доспехи русских сынов, как вода всебыстрая, блещут, а шлемы на их головах, как роса во время ясной погоды, светятся. Еловцы же шлемов их, как пламя огненное, горят. Так все единодушно, один за другим хотят умереть. Дивились тому литовские князья: «Никогда не было такого замечательного войска раньше нас!»

Князь великий Дмитрий Иванович начал по полкам ездить с князьями и воеводами и каждому полку сам говорил своими устами: «Братья, князья и воеводы, и молодые люди от мала и до велика! Уже, братья, сегодня день уходит, а ночь приближается, бодрствуйте и мужайте каждый из вас, уже ведь гости наши близко от нас, на реке на Непрядве, утром ведь, братья, все будем от них пить чашу общую, чашу смертную, за землю святорусскую! Да будет мир с вами, братья мои, потому что спешат татары!»

Брата же своего, князя Владимира Андреевича, великий князь послал вверх по Дону в дубраву, чтобы он утаился от полков, и дает

ему достойных вельмож своего двора, удалых людей семнадцать, с ним же отпустил и своего воеводу Дмитрия Волынца. Уже и ночь пришла. Была тогда тою ночью теплота великая и тихость большая, заморозки росные начались.

И сказал Дмитрий Волынец великому князю: «Испытаю, князь, свою приметку ратную, кому будет божья помощь, ведь уже тьма полная, а заря потухла». Дмитрий Волынец сел на своего коня и взял с собою одного князя великого Дмитрия и выехал на поле Куликово и стал между двумя великими войсками. Слышался же стук велик и клич, как гром гремит, как трубы многие звучат, а позади их как волки грозно воют; была великая необычайная гроза, а по правой стороне вороны кликали. И обратились в сторону русских полков, и была тишина великая. Сказал Волынец великому князю: «Слышал ли что-либо, князь?» Отвечал ему князь великий: «Слышал, брат, великая гроза». И сказал ему Волынец: «Что слышал?» Князь же ответил: «Ничего, только видел, как огненные зори полыхают, а из них точно кровь выступает». И сказал Волынец: «Добрые знаменья видятся!»

Конечно, автор «Сказания» домысливал красочные детали, но многое в его поэтическом рассказе выглядит вполне реально: и построение русских полков, и обычное для того времени личное обращение великого князя к своим воинам перед битвой, и выделение засадного полка, и даже разведка, которую предприняли великий князь Дмитрий и воевода Боброк-Волынец, выехав в поле между русским и ордынским войсками.

Рассказ автора «Сказания» подтверждается

летописцам. В частности, они тоже подчеркивали, что в русском стане была «тихость великая», но когда Дмитрий «обратился на полк татарский», то «слышал стук великий и клич». Там передвигались обозы, табуны коней, возводились какие-то укрепления, раздавались сигналы труб. Суровая тишина русского стана противопоставлялась шумному ликованию ордынцев, уверенных в своей победе. Не на праздник вышли русские люди, а на смертный бой за отчину. Князья, воеводы и простые ратники напряженно ждали рассвета.

И оно пришло, утро Куликовской битвы...

ПОЛЕ КУЛИКОВО

«...Настал 8 день месяца сентября. На рассвете в пятницу, на восходе солнца, была мгла как дым. И начали знамена простираяться, ратные трубы трубить. Уже русские кони оживились от трубного зова, каждый воин под своим знаменем. Радостно видеть стройные полки, расставленные крепким воеводой Дмитрием Боброком-Волынцем. Когда же настал седьмой час утра, начали с обеих сторон в трубы трубить, и слились голоса трубные в единый голос, слышать страшно. Полки же русские и татарские еще друг друга не видят, потому что утро мглистое как дым, но земля грозно стонет. Обширное поле Куликово перегибается, реки выступили из своих берегов, потому что никогда не было столько людей на том месте...» — так описывает автор «Сказания о Мамаевом побоище» утро Куликовской битвы.

Великий князь Дмитрий Иванович еще раз

объехал полки, воодушевляя воинов и призывая их крепко стоять за родную землю. «Ныне же, братья, — говорил великий князь, — устремимся на битву, от мала и до велика, победными венцами увенчаемся!»

Предусмотрительность русских воевод, заранее, с вечера, поставивших полки на свои места, полностью себя оправдала — непосредственно перед сражением, в густом утреннем тумане, выстроиться в боевой порядок было бы очень трудно. Теперь же все было готово к битве. «Исполчились христианские полки все, и возложили на себя доспехи, и встали на поле Куликовом, на устье Непрядвы-реки». Даже то, что войска стояли в тумане, «полк с полком не видясь», не нарушало общего строя — место для каждого полка было выбрано еще с вечера.

Объехав строй русских воинов, великий князь Дмитрий Иванович возвратился к большому полку, посередине которого развевалось черное великокняжеское знамя с изображением Спаса. Под знаменем собрались князья и воеводы. Дмитрий сошел с белого коня, снял пышное великокняжеское одеяние и приказал принести простые, но крепкие доспехи воина-дружинника. Он решил сражаться в боевом строю, «на первом сступе», чтобы лично повести за собой воинов. Князья и воеводы отговаривали: «Не подобает тебе, государю Русской земли и великому князю, самому биться в полках. Тебе, государю, подобает под знаменем стоять!» Но Дмитрий был непреклонен: «Хочу с вами общую чашу испить и тою же смертью умереть. Если же умру, то с вами, если спасусь, то с вами!»

Потом великий князь «сел на своего боевого

коня, и взял копье свое и палицу железную, и выехал из большого полка, захотел прежде всех сам биться». В одежду и доспехи великого князя переоделся постельничий Михаил Андреевич Бренк, и Дмитрий «черное знамя велел своему оруженосцу возить над ним».

Русские полки стояли неподвижно за холмистой возвышенностью, которая тянулась от Зеленой дубравы до реки Непрядвы. Туман постепенно редел. Вперед, в низину между истоками Нижнего Дубяка и Смолки, выдвинулся только сторожевой полк, который должен был первым встретиться с ордынскими авангардами.

Сторожевой полк выполнил поставленную задачу. Ордынские конные лучники, которые по обычаю степняков кинулись вперед, чтобы осыпать стрелами русский строй, были встречены в поле всадниками сторожевого полка и отбиты. Не случайно в летописях отсутствовали даже упоминания об ордынских лучниках и о потерях, которые они могли бы нанести русскому войску. Начало битвы было выиграно великим князем Дмитрием Ивановичем. Мамаю оставалось искать победы в рукопашном бою, в котором ордынцы были всегда слабее русских витезей.

«В шестом часу дня» (примерно 11 часов утра по современному счету времени) началось сближение главных сил. Русские полки, сохраняя боевой строй, взошли на высоты, которые примыкали с севера к низине между Нижним Дубяком и Смолкой. В этой низине шириной всего 4—5 км великий князь Дмитрий готовился встретить ордынцев — русские полки могли здесь перекрыть все поле.

На противоположном краю низины, на отлогом Красном холме, показались массы ордынской конницы. Солнце стояло уже высоко, утренний туман рассеялся, и противники впервые увидели друг друга.

«И выступила сила татарская на холм, — повествовал летописец, — и пошла с холма. Также и христианская сила пошла с холма и стала на поле чистом, на месте твердом. И страшно было видеть две силы великие, съезжающиеся на скорую смерть. Татарская сила была черная, а русская сила в светлых доспехах, как река льющаяся, как море колеблющееся, и солнце светло сияло на ней, лучи испуская».

Будто ясный день и темная ночь встретились на одном поле: черные толпы ордынских всадников и пехотинцев в кожаных доспехах, в бурых войлочных колпаках, в лохматых шкурах — и светлый, нарядный русский воинский строй, празднично расцвеченный многочисленными знаменами. «Шлемы же на головах их как утренняя заря, — с восхищением писал летописец, — доспехи как вода, яловцы же как пламя огненное...»

Сам Мамай «с тремя князьями своими большими взошел на высокое место, на холм, и тут стал, хотя видеть человеческое кровопролитие». На Красном холме, вдали от сечи, Мамай оставался до конца сражения, отсюда он и побежал с малой дружиной, когда победа склонилась на сторону русских полков.

Ордынцы наступали обычным для них боевым порядком: сильными конными крыльями, где собирались лучшие боевые тысячи; центром, задачей которого было сковать боем главные силы противника и подготовить выгодный

момент для фланговых ударов крыльев; сильным общим резервом, оставленным позади Красного холма. Боевой порядок был обычным для татар, но развернуть его на Куликовом поле так, чтобы охватить крыльями фланги противника, к чему всегда стремились ордынские полководцы, — на этот раз не удалось. Поле битвы оказалось явно недостаточным для такого маневра. Поэтому Мамай несколько изменил построение войска. Учитывая, что конница не имеет на Куликовом поле свободы для маневра, он значительно усилил центр. Именно центром он наносил главный удар. Но здесь ордынцам противостоял сомкнутый строй русских пехотинцев, прорвать который конными атаками было нелегко. Поэтому Мамай решил поставить в центре тяжеловооруженную наемную генуэзскую пехоту, умевшую наступать фалангой. Летописцы подробно описывали построение для боя ордынской пехоты: шеренги воинов в латах стояли одна за другой, «стена у стены», и воины последующих шеренг положили длинные копья на плечи воинов впереди стоящих шеренг. Такая фаланга обладала большой ударной силой, и Мамай надеялся одним натиском прорвать центр русского войска. Одновременно в атаку двинулись конные крылья ордынского войска.

«И встретились полки, и, великие силы увидав, пошли навстречу, — повествовал летописец, — и гудела земля, горы и холма тряслись от множества воинов бесчисленных».

Общей сече предшествовал еще один эпизод, подробно описанный автором «Сказания о Мамаевом побоище», — поединок русского витязя Александра Пересвета с ордынским богаты-

рем Темир-мурзой. Начинать битву поединком было военным обычаем того времени. Победа в поединке воодушевляла своих воинов и деморализовала противника.

«Уже близко сходятся сильные полки, выехал громадный татарин из великого полка татарского, показывая свое мужество перед всеми. Увидев его, старец Александр Пересвет выехал из полка и сказал: «Этот человек ищет равного себе, я хочу встретиться с ним!» И возложил старец на свою голову вместо шлема куколь¹, а поверх одежды надел свою мантию. И сел на коня своего, и устремился на татарина, и ударились крепко копьями, и копья переломились, и оба упали с коней своих на землю мертвыми, и кони их пали».

Церковники постарались придать подвигу «изящного послушника инока Пересвета» религиозную окраску. Он сразил ордынского богатыря будто потому, что был «вооружен схимою» и «взял в руки посох преподобного отца Сергия», отличался «святостью». На самом деле Александр Пересвет отнюдь не был смиренным иноком. Судя по летописным известиям, «Пересвет-чернец, любечанин родом», являлся профессиональным воином. Он происходил из брянских бояр и, перейдя на службу в Троицу, оставался военным слугой. Летописцы отмечали его воинское мастерство и физическую силу: «... сей Пересвет, когда в миру был, славный богатырь был, великую силу и крепость имел, величеством же и широтою всех превзошел, и умен был к воинскому делу и наряду».

¹ Куколь — монашеский остроконечный колпак из черной материи.

Когда упали пронзенные копьями «поединщики», взревели русские и татарские трубы, и огромные рати сошлись в смертельной сече.

Русский передовой полк подвергся сильнейшему нажиму с фронта и фланговым ударам ордынской конницы. Переступая через тела павших русских воинов, панцирная генуэзская пехота медленно продвигалась вперед. Воины князей всеволожских Дмитрия и Владимира и коломенского тысяцкого Микулы Вельяминова отчаянно отбивались, и «была брань крепкая и сеча злая».

Горька была участь передового полка. Почти вся пешая рать полегла на поле битвы, «как сено посечено». Но позади ждал ордынцев готовый к бою великокняжеский большой полк, основу которого составляли стойкие московские рати.

Началась общая сеча, не имевшая себе равных по упорству и кровопролитию. Она продолжалась почти четыре часа, «с шестого часа до девятого» (с 11 часов утра до 2 часов дня).

«Сошлись две силы великие надолго,—повествовал летописец,—и покрыли полки поле на десять верст от множества воинов, и была сеча ожесточенная и великая и бой упорный, сотрясение весьма великое: от начала мира не бывало у великих князей русских, как у этого великого князя всея Руси. Когда бились они с шестого часу до девятого, пролилась, как дождевая туча, кровь обоих.—сыновей русских и поганных; пало бесчисленное множество трупов мертвых: много русских побито было татарами и Русью татар, падал труп на труп, и падало тело татарское на тело русское. В другом месте видно было, как русин гнался за тата-

рином, а татарин тот настигал; смешались и перемешались, каждый ведь своего противника стремился победить».

Летописцу вторит автор «Сказания о Мамаевом побоище», добавляя красочные детали: «Крепко сражались, жестоко друг друга уничтожали, не только от оружия, но и от великой тесноты под конскими копытами умирали, потому что нельзя было вместиться на том поле Куликовом: то место между Доном и Непрядвою было тесным. Выступили из полков кровавые зори, а в них сверкали сильные молнии от блистания мечей. И был треск великий и шум от ломающихся копий и от ударов мечей, так что нельзя было в тот горький час обозреть это грозное побоище. Уже многих убили, многие богатыри русские погибли, как деревья приклонившись, точно трава от солнца усыхает и под копыта подстиляется...»

Ордынцы несколько раз прорывали фронт большого полка, даже достигали великокняжеского знамени. По словам летописца, они «стяг великого князя подсекли и наперстника его любимого Михаила Андреевича Бренка убили, и многих князей, и воевод, и бояр, и слуг бесчисленное множество убили». Но прорвавшиеся ордынские отряды погибали, русский строй снова и снова смыкался перед центром войска Мамаея, и «вновь укреплялся стяг». Большой полк выстоял, несмотря на значительные потери. Стойко сражались владимирские и суздальские рати, умело руководил боем тысяцкий Тимофей Вельяминов, ставший героем Куликовской битвы.

Не удалось ордынцам прорвать и строй полка правой руки. Левое крыло Мамаея, противо-

Куликовская битва

8 сентября 1380 г.

стоявшее этому полку, оказалось прочно связанным боем и не смогло принять участие в прорыве на другом фланге. Полк правой руки до конца выполнил свой долг.

Потерпев неудачу в центре и на одном из флангов, Мамай перенес главный удар на русский полк левой руки. Замысел ордынского полководца состоял в том, чтобы, сосредоточив против полка левой руки большие силы за счет общего резерва, обойти русский большой полк, прижать его к обрывистому берегу Непрядвы и уничтожить.

Местность перед полком левой руки была более удобной для действий конницы. Верховья речки Смолки пологие, отсюда легче было прорваться к устью Непрядвы, к переправам и бродам через Дон. Если бы замысел Мамая удался, главные силы русского войска попали бы в западню. Как опытный полководец, Мамай правильно наметил направление главного удара, сосредоточил на этом направлении превосходящие силы за счет общего резерва, проявил настойчивость и упорство в достижении цели. И кто знает, чем бы закончилась Куликовская битва, если бы великий князь Дмитрий Иванович не предусмотрел этого маневра противника и не поставил заранее в Зеленой дубраве сильный засадный полк...

Страшным был удар правого крыла ордынского войска, подкрепленного резервными тысячами. Массы ордынской конницы обрушились на полк левой руки, который под их натиском начал медленно отступать, обнажая фланг большого полка. Одновременно Мамай продолжал атаки и с фронта, чтобы не дать возможности воинам большого полка оказать помощь

гибнувшему полку левой руки. «И уже восьмой час прошел, и девятый настал, всюду татары одолевали», — печально замечал летописец.

Большой полк, неся значительные потери, отбивался теперь с фронта и с левого фланга. В сражение был введен частный резерв, стоявший ранее позади большого полка, во главе с князем Дмитрием Ольгердовичем. Он помешал ордынской коннице выйти в тыл большого полка. Но положение оставалось крайне опасным. Часть ордынской конницы, преследуя уцелевших воинов полка левой руки, все дальше пробивалась к устью Непрядвы, другая часть продолжала атаки на фланг большого полка. Наступил критический момент — преимущество ордынцев становилось очевидным. «Татары отовсюду зашли, — писал летописец. — окружили христиан, потому что оскудели христиане, но везде татарские полки, уже мало христиан, а все татары...»

Мамай торжествовал, наблюдая с Красного холма, как массы ордынской конницы втягиваются в прорыв, обтекая основные силы русского войска. Казалось, победа ордынцев была уже совсем близкой, еще один удар — и смешаются русские полки, побегут к реке Непрядве, где их ждет гибель...

Однако, обходя большой полк и тесня его к Непрядве, ордынская конница одновременно подставляла спину для удара засадного полка, притаившегося до времени в Зеленой дубраве. Кажущийся успех мог обернуться для Мамаея сокрушительным поражением. Но для этого воеводам засадного полка нужно было выбрать удачный момент для внезапного удара. Преждевременный удар засадного полка, до того как

все ордынские резервы не окажутся втянутыми в битву и боевые порядки не повернутся в сторону большого полка, не смог бы переломить ход сражения. Мамай сумел бы в этом случае часть своих сил повернуть навстречу засадному полку и задержать его. С другой стороны, запоздалое вмешательство засадного полка обрекало на гибель главные силы, с трудом отбивавшие фронтальные и фланговые атаки ордынского войска. Мучительные раздумья воевод засадного полка, которые видели тяжелое положение большого полка и выбирали момент для удара,—один из самых драматических эпизодов Куликовской битвы. И летописи, и автор «Сказания о Мамаевом побоище» единодушно называют имя воеводы Дмитрия Боброка-Волынца, которому принадлежало последнее, решающее слово.

Большой полк с трудом отбивал яростные атаки ордынской конницы, и, «видя такой урон русских сынов, князь Владимир Андреевич не мог терпеть и сказал Дмитрию Волынцу: «Какая польза в стоянии нашем, какой будет у нас успех, кому будем пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны жестоко погибают, как трава клонится!» И сказал Дмитрий Волынец: «Беда, князь, велика, но еще не пришел наш час». Сыны же русские в полку его горько плакали, видя своих друзей, побиваемых погаными, непрестанно стремились они в бой. Волынец же запрещал им, говоря: «Подождите немного, будет ваше время». Пришел девятый час, и внезапно ветер потянул сзади, повуждая выйти на татар. И закричал Волынец громким голосом: «Князь Владимир, время приспело!» Выехали из дубравы Зеленой, точно соко-

лы приученные оторвались от золотых колодок, ударили на великие стада журавлиные, на великую силу татарскую, и начали татар немилостиво убивать. Татары же увидели свою погибель, закричали на своем языке, говоря: «Увы нам! Русь снова перехитрила: меньшие сражались с нами, а добрые воины все сохранились!» И обратились татары в бегство и побежали. Сыны же русские гнались и убивали их, точно лес рубили, точно трава под косою подстилается под конские копыта русских сынов. Многие раненые вставали и помогали русским удалцам, убивая татар без милости, но не могли уже хорошо сражаться, а сами изнемогали. Татарские полки опустошились от русских мечей. И побегал Мамай сам девятый, как серый волк. Многие же сыны русские гнались вслед Мамаю, но не догнали его: уже кони их утомились, а сами они сильно устали. Руки русских сынов уже устали, не могли убивать татар, а мечи их и сабли притупились о головы татарские...»

Автор «Сказания о Мамаевом побоище» несколько обобщенно, но в общем верно описывает перелом, внесенный в ход битвы неожиданным ударом засадного полка. Ордынцы, не ожидавшие удара свежих сил в спину своего боевого порядка, атакующего фланг русского большого полка, пришли в замешательство. Ударная группировка ордынской конницы была разрезана надвое: передовые ордынские тысячи, оказавшиеся позади боевого порядка русских, побежали к реке Непрядве. Кони падали с высокого берега, трупы ордынцев заполнили речную долину. Немногим воинам удалось спастись — русская конница на свежих конях преследовала их и на другом берегу Непрядвы.

Остальная ордынская конница начала поспешное отступление к Красному холму.

Но одновременно с ударом засадного полка в наступление перешли конные и пешие воины большого полка и полка правой руки. В поддержке всем войском засадного полка проявилось взаимодействие в сражении, воинское мастерство русских воевод, правильно оценивших обстановку и принявших единственно верное решение: атаковать ошеломленных внезапным ударом с тыла ордынцев всеми силами.

Отступление ордынцев приняло характер беспорядочного бегства. Мамай даже не сделал попытки остановить бегущих. Он уже ввел в прорыв на правом фланге все резервы и ничем не мог повлиять на развитие событий. Когда к Красному холму покатались беспорядочные толпы ордынской конницы, преследуемые русскими всадниками, он с малой дружиной тоже обратился в бегство.

Бегство предводителя ордынского войска еще больше усилило панику. «Услышав это, все его темные власти и князья побежали. Видя это, и прочие иноплеменники, одержимые страхом, от мала до велика бросились в бегство. Христиане, видя, как татары с Мамаем побежали, погнались за ними, избивая и рубя без милости. И в этой погоне одни татары, пораженные оружием, пали, а другие в реке утонули. И гнали их до реки Мечи, и там бесчисленное множество бежавших погибло. Княжеские же полки гнали их, избивая, до стана их и захватили много богатства и все имущество их...» — так описывал летописец заключительный этап Куликовской битвы. Другие летописцы добавляли, что преследователи «трусами та-

тарскими поля засеяли и кровью потекли реки», что были захвачены «стада татарские», утрата которых была особенно разорительной для степняков.

Преследование ордынцев было всеобщим, за ними устремились все русские воины, еще имевшие силы сражаться. Так, по словам автора «Сказания», в засадном полку «ни один человек не остался под знаменем, все гнались за татарами». Преследование продолжалось почти 50 км и закончилось уничтожением главных сил ордынского войска. Лишь немногим, в том числе самому Мамаю, удалось спастись — кони «сынов русских» были утомлены тяжелой и продолжительной битвой.

Только к вечеру закончилась погоня. Усталые герои возвращались на поле битвы, где над телами павших гордо веяли победные русские знамена. «Уже и день кончился, солнце заходило, затрубили во всех полках русских в трубы, — повествует автор «Сказания». — Грозно видеть и жалостно смотреть на кровопролитие русских сынов: человеческие трупы, точно великие стога, наворочены; конь не может быстро через них перескочить, а в крови по колено бродят, и реки три дня текли кровью...»

Страшные картины открывались перед великим князем Дмитрием Ивановичем, когда он объезжал поле брани. Многие его соратники пали в сражении. Великий князь Дмитрий «наехал место, на нем лежат 12 князей белозерских, убитых вместе, а близ того места лежит воевода Микула Васильевич убитый». На месте большого полка Дмитрий нащел «любимца своего Михаила Андреевича Брѣнка, а близ

него лежит Семен Мелик, твердый страж, а близ него лежит Тимофей Волуевич». Потом Дмитрий «пришел на иное место, нашел Пересвета-чернеца и близ него нарочитого богатыря Григория Капустина». Объехав поле, Дмитрий «велел трубить в ратные трубы, созывать людей» и приказал подсчитывать потери: «Считайте, братья, скольких воевод и скольких служилых людей нет!»

О результатах этого подсчета подробно повествует автор «Сказания о Мамаевом побоище»: «Говорит боярин московский, именем Михайло Александрович, а был в полку у Микулы у Васильевича, умел он хорошо считать: «Нет у нас, государь, 40 бояринов московских, да 12 князей белозерских, да 13 бояринов-посадников новгородских, да 50 бояринов Новгорода Нижнего, да 40 бояринов серпуховских, да 20 бояринов переяславских, да 25 бояринов костромских, да 35 бояринов владимирских, да 50 бояринов суздальских, да 40 бояринов муромских, да 33 бояринов ростовских, да 20 бояринов дмитровских, да 70 бояринов можайских, да 60 бояринов звенигородских, да 15 бояринов углицких, да 20 бояринов галицких. А молодым людям счета нет...» Тяжелее всего оказались потери в полках московских городов — Серпухова, Можайска, Звенигорода. Эти полки сражались особенно стойко и оказали значительное влияние на исход Куликовской битвы.

Всего в сражении погибло 12 князей и 483 боярина, что составляло примерно 60% «командного состава» русского войска. Что касается общих потерь, то в летописях по этому поводу не содержится сколько-нибудь достоверных сведений. Военные историки полагают,

что в Куликовской битве погибла примерно половина русского войска, что свидетельствует о крайнем упорстве, мужестве и самопожертвовании «сынов русских». «Оскудела вся земля Русская воеводами и слугами и всеми воинствами, и о сем был страх великий по всей земле Русской», — печально заключает летописец свой рассказ о Мамаевом побоище.

Но ордынские потери оказались еще бóльшими. Особенно много ордынцев погибло во время преследования, которое русские воины вели неотступно и упорно, до полного уничтожения главных сил противника. В организации преследования после тяжелейшего сражения проявилось военное искусство русских военачальников.

Летописец, отметив, что великий князь Дмитрий видел на Куликовом поле «множество избитых воинства своего», тут же добавлял, что «поганных вчетверо избитых». Можно поставить под сомнение точность этой цифры, но то, что Мамай потерял намного больше воинов, чем великий князь Дмитрий, несомненно. В рукопашном бою, который развернулся по всему Куликову полю, ордынцы, не имевшие надежного защитного вооружения, несли огромные потери. Еще больше погибло ордынских воинов во время беспорядочного бегства, преследуемых русской конницей. Мамай так и не сумел оправиться от поражения. Вскоре он был убит в междоусобной борьбе со своими соперниками. Орде был нанесен сильнейший удар. Была развеяна традиционная вера в непобедимость завоевателей. Куликовская битва положила начало полному освобождению Руси от ордынского ига.

Победа в Куликовской битве в корне изменила всю стратегическую обстановку. Великий литовский князь Ягайло, который с 30-тысячным войском находился 8 сентября всего в 30 км от Куликова поля, поспешно отступил. По словам летописца, «из страны Литовской пришел Ягайло, князь литовский, Мамаю помогать, со всею силою литовскою, но не успели к сроку немного, на один день пути или меньше. Но только Ягайло Ольгердович и вся сила его услыхали, что у великого князя с Мамаем бой был и князь великий одолел, а Мамай, будучи побежден, побежал, тогда Литва с Ягайло побежали назад с большою быстротою, не будучи никем гонимы...»

Победа на Куликовом поле произвела огромное впечатление и на другого союзника Мамаея — рязанского князя Олега. По свидетельству летописца, князь Олег «отбежал от града своего Рязани, и побежал к Ягайлу князю Литовскому, и пришел на рубеж Литовский, и, тут став, сказал боярам своим: «Я хочу здесь ждать вести, как князь великий пройдет мою землю и придет в свою отчину, и тогда я возвращусь восвояси». А пока в Рязани великий князь Дмитрий Иванович посадил своих наместников.

Восемь дней простояло русское войско на Куликовом поле, «на костях». Убитых русских воинов хоронили на том месте, где ныне находится село Монастырщина. Насыпали над братской могилой высокий курган. Затем великий князь Дмитрий Иванович двинулся с оставшимся войском, своими и захваченными ордынскими обозами через Рязанскую землю к Оке. 21 сентября победоносное войско при-

шло в Коломну, а 1 октября великого князя Дмитрия Ивановича и его соратников торжественно встретили жители Москвы. Война была закончена.

Куликовская битва была триумфом великого князя Дмитрия Ивановича как полководца. Благодарный народ в память об этом событии прозвал великого князя Донским. Но Дмитрий Донской не только разработал блестящий стратегический план войны с Мамаем и успешно провел его в жизнь. В Куликовской битве он проявил огромное личное мужество и самопожертвование. Как простой ратник Дмитрий Донской сражался на самых опасных участках боя. Сначала, по свидетельству летописца, он был в сторожевом полку, а затем, перед началом генеральной битвы, «отъехал в великие полки», где и сражался с оружием в руках до конца битвы. По словам летописца, Дмитрий Донской «бился с татарами в лице, став на первом сступе, и много ударяли по голове его, и по плечам его». Однако крепкие дружинные доспехи защитили великого князя от ордынских сабель и копий. «Все доспехи его избиты и пробиты, но на теле его не было ни одной раны. А бился с татарами лицом к лицу, став впереди в первой схватке, справа и слева от него дружину его били, самого его обступили вокруг, как обильная вода по обе стороны, много ударов ударялось по голове его и по плечам и по животу, но от всех ударов бог защитил его в день битвы, и таким образом среди многих воинов он сохранен был невредимым».

Многие воины видели, как сражался с ордынцами великий князь Дмитрий Донской, и эти рассказы очевидцев сохранены до наших

дней русскими летописцами. Одни «видели его крепко бьющимся с четырьмя татари́нами», другие видели, как он «шел пе́шим с побои́ща, тяжко ране́нный» и на него «наезжали три татари́на», как его «с ко́ня сбили», но «он же сел на друго́го ко́ня». Много ярких боевых эпизодов, связанных с личным участием Дмитрия Донского в Куликовской битве, приводится автором «Сказания о Мамаевом побои́ще». Предводитель засадного полка князь Владимир Андреевич после сражения начал расспрашивать очевидцев о великом князе. «И сказал ему пер́вый самовидец, Юрка-сапожник: «Я видел его, госуда́ря, на третьем часу́, сражался он железной палицей». Второй самовидец, Васюк Сухоборец, сказал: «Я видел его в четвертом часу́, бился он крепко». Третий сказал — Сенька Быков: «Я его видел в пятом часу́, бился он крепко». Четвертый же сказал — Гридя Хрулец: «Я его видел в шестом часу́, бился он крепко с четырьмя татари́нами». Некто по имени Степан Новосельцев, тот сказал: «Я видел его в седьмом часу́, крепко сражавшимся перед самым твоим выездом из дубравы, шел он пе́ший с побои́ща, тяжко ране́нный. А на великого князя наезжали три татари́на». Последний «самовидец» ничем не мог помочь своему князю, потому что за ним самим гналось несколько ордынских вои́нов; он даже не видел исхода схватки великого князя «с тремя татари́нами». Но и из рассказанного этими очевидцами ясно, что Дмитрий Донской «крепко сражался» в течение всей битвы, от «первого сступа» до атаки засадного полка, после которой ордынцы обратились в бегство.

Имя Дмитрия Донского в грозную осень

1941 г. заслуженно было названо рядом с именами великих русских полководцев — Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Александра Суворова, Михаила Кутузова, подвиги которых вдохновляли советских воинов на священную войну с фашизмом.

Дмитрий Донской был великим патриотом земли Русской, храбрым воителем за свободу и независимость своей родины, и память о нем бережно сохраняется потомками.

НАВЕКИ В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

«В истории русского народа «Донское побоище», так его называли современники, было великим событием. Сражение на Дону сделалось символом непобедимого стремления русского народа к независимости, и ни одна русская победа над иноземными врагами, вплоть до Бородинского сражения 1812 года, не послужила темой для такого количества прозаических и поэтических произведений, как Куликовская битва»¹.

Все летописцы с восхищением писали о мужестве «сынов русских», вышедших «за Донреку» навстречу полчищам Мамаю, о подвигах на Куликовом поле, совершенных Дмитрием Донским и его соратниками. Значение Куликовской битвы было огромным, и это хорошо понимали современники Дмитрия Донского. Победа над Мамаем воспринималась ими как страшный удар по ненавистным монголо-татарским завоевателям, положивший начало освобождению Руси от иноземного ига, как торже-

¹ Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 335.

ство русской силы. Автор поэтической «Задонщины» рязанец Софоний с торжеством писал, как ордынцы побежали «непроторенными дорогами» обратно в степи, «скрежеща зубами своими, раздирая лица свои и приговаривая: «Уже нам в земле своей не бывать, детей своих не видать, жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю, целовать нам зеленую мураву, а на Русь ратью не ходить, а дани нам с русских князей не спрашивать». Уже ведь застонала земля татарская бедами и горем покрылась. Приуныло у царей их желание и похвальба на Русскую землю ходить, веселие их поникло. Уже ведь по Русской земле распространились веселие и отвага, и вознеслась слава русская над позором поганых. Уже брошено диво на землю. Уже грозы великого князя по всей земле текут. Уже поганые оружие свое побросали и головы свои склонили под мечи русские. Трубы их не трубят, приуныли голоса их!»

Автор «Задонщины» хорошо понимал и международное значение Куликовской битвы — слава о ней далеко перешла границы Руси. «Кликнуло диво в Русской земле, велит послушать разным землям, ударила слава к Железным воротам¹, к Риму и к Кафе² по морю, и к Тырнову³, и оттуда к Царьграду⁴ на похвалу: Русь великая одолела Мама на поле Куликовом!»

¹ До теснины в среднем течении реки Дуная, на границе Румынии и Югославии.

² До нынешней Феодосии в восточной части Крыма.

³ До тогдашней столицы Болгарии.

⁴ До тогдашней столицы Византийской империи, ныне — Стамбул.

Первым памятником павшим героям стала церковь на Куликовом поле, срубленная из могучих дубов Зеленой дубравы. Время не пощадило ее, сохранились только резные деревянные врата иконостаса, покрытые искусным растительным орнаментом. Но по-прежнему стоит в Москве, на площади Ногина, каменная церковь Всех святых «на Кулишках», заложенная Дмитрием Донским в память погибших на Куликовом поле русских воинов. Образы героев увековечены неизвестным живописцем в картинах Куликовской битвы на иконе «Сергий Радонежский в житии» (XV—XVI вв.).

Славная Куликовская битва всегда сопоставлялась в представлении русских людей с самыми грозными военными событиями, вспоминалась в минуты опасности для Родины. Во время Отечественной войны 1812 года великий русский полководец М. И. Кутузов, готовивший в Тарутинском лагере на реке Наре свое знаменитое контрнаступление, погубившее «великую армию» императора Наполеона, писал: «...река Нара будет для нас так же знаменита, как и Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные ополчения Мамая»¹. Когда после Отечественной войны 1812 года было принято решение поставить памятники на местах сражений и эти памятники были подразделены на три разряда «по важности мест сражений», для Куликова поля предназначался памятник «первого разряда», потому что «слава соотечественников наших, действовавших на Куликовом поле, столь глубоко и

¹ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. IV, ч. 2. М., 1955, с. 651.

справедливо вкоренилась в мнении народном...».

Куликовская битва прославлена великими русскими поэтами. В. А. Жуковский в стихотворении «Певец во стане русских воинов», написанном в 1812 году, воодушевлял русских солдат примером своих доблестных предков. Он обращался к Дмитрию Донскому:

И ты, неверных страх, Донской,
С четой двух соименных,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменных.

Поэт декабрист К. Ф. Рылеев видел в Куликовской битве освобождение народа от угнетения, Дмитрий Донской вышел в поход, чтобы «ярмо Мамаея сбросить с плеч»:

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу,
И древние права граждán.
Туда за Дон!.. Настало время!..

Великий русский поэт Александр Блок посвятил этому событию цикл из пяти стихотворений «На поле Куликовом». Клятвой верности Отчизне звучат слова Александра Блока о кануне Куликовской битвы:

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...
На пути — горячий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взывает больше никогда.
И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб не даром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена!

Куликовской битве посвятил героическую кантату «На поле Куликовом» (1939 г.) композитор Ю. А. Шапорин. В тяжелые дни первого года войны завершил работу над романом «Дмитрий Донской» советский писатель С. П. Бородин.

Тема Куликовской битвы неоднократно привлекала внимание художников. Известный русский живописец Орест Адамович Кипренский (1782—1836) создал картину «Дмитрий Донской на Куликовом поле», за которую в 1805 г. ему была присуждена золотая медаль. Кисти советского художника М. И. Авилова принадлежит картина «Поединок на Куликовом поле» (1943 г.). К героическому сюжету 1380 г. возвращается советский художник А. П. Бубнов в картине «Утро на Куликовом поле» (1947 г.).

Идея увековечения памяти героев Куликовской битвы привлекала известных скульпторов. Над проектом памятника на Куликовом поле работал в начале 20-х годов XIX в. выдающийся русский скульптор И. П. Мартос, известный по памятнику Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому, который с 1818 г. украшает Красную площадь в Москве. Скульптор представлял будущий памятник в виде громадного «изваяния Донского» и пояснил: «...век Донского для России есть век героический. С ним Россия воспрянула ото сна, и он, с истинными сынами отечества, первый доказал подвигом своим, что власть татар не может быть продолжительна,

если последуют его примеру». Мартос хотел изобразить Дмитрия Донского «в виде героя сражающегося», потому что в день Куликовской битвы он «сражался как простой воин». К сожалению, замыслу скульптора не суждено было осуществиться. Царские министры отклонили проект, предписав воздвигнуть на Куликовом поле обелиск «подобно тому, как и во многих местах, где были замечательные сражения». Новый проект памятника был разработан одним из крупных архитекторов — А. П. Брюлловым, и 8 сентября 1850 г. памятник на Куликовом поле был торжественно открыт. Огромный, несколько сужавшийся кверху 28-метровый чугунный столп навечно взметнулся над Красным холмом. Торжественно звучали слова посвящения: «Победителю татар великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому — признательное потомство». Работу по созданию мемориального комплекса продолжил в начале XX в. выдающийся архитектор Алексей Викторович Щусев (1873—1949 гг.), позже навеки прославивший себя созданием Мавзолея В. И. Ленина. По проекту Щусева на Куликовом поле был сооружен храм-памятник, монументальные башни которого придают ему облик мощной крепости; о том, что это памятник воинской славе, напоминает барельеф с изображением древнего герба Москвы — всадника, поражающего копьём змея.

Сто лет назад, 8 сентября 1880 г., на Куликовом поле было торжественно отмечено 500-летие славной победы русского оружия. В парадном строю застыли гренадеры, артиллеристы, гусары, прогремел артиллерийский салют. Родина помнит о своих героях. В честь знаме-

натального события Монетный двор выпустил памятную медаль, на которой был изображен Дмитрий Донской в доспехах с мечом в руках. Таким он остался в памяти народной — воителем за землю Русскую...

Прошли столетия, и мы можем по достоинству оценить и полководческое искусство Дмитрия Донского, и значение Куликовской битвы в истории русского народа. А это значение поистине огромно.

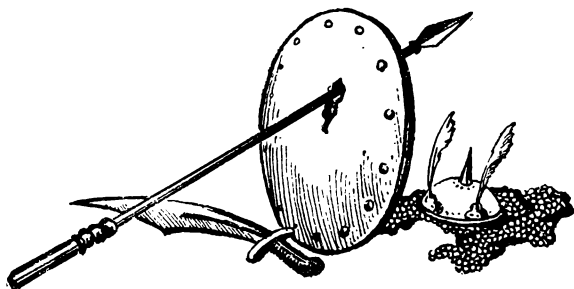
Куликовская битва положила начало полному освобождению Руси от монголо-татарского ига. Она окончательно превратила Москву в центр всенародной борьбы с завоевателями, в центр политического объединения страны. Сражаясь за Доном с полчищами Мамаю, русские воины с оружием в руках бились за национальное единство Руси, потому что, по словам Ф. Энгельса, «покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига...»¹.

Куликовская битва была торжеством русского военного искусства над военным искусством монголо-татарских ханов. Мамаю не удалось применить ни одного из излюбленных завоевателями тактических приемов: ни притворного заманивающего бегства, ни массированных «залпов» лучников, ни фланговых маневров конницы. Война проходила по стратегическому плану Дмитрия Донского, русские военачальники навязали свою волю противнику, заставили его принять генеральное сраже-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 21, с. 416.

ние в невыгодных условиях и разгромили наголову.

Советский народ, бережно хранящий боевые традиции своих славных предков, широко и торжественно отмечает 600-летие Куликовской битвы. Герои освободительной борьбы за Родину вечно живут в памяти потомков.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Нашествие из Азии	5
Дмитрий Иванович, князь московский	25
Сила русская, сила ратная	37
Русь поднимается на войну	55
Путь к Дону	73
Поле Куликово	96
Навеки в памяти народной	117

· Каргалов В. В.

К21 Куликовская битва.— М.: Воениздат, 1980.—125 с., ил.— (Героическое прошлое нашей Родины).

20 к.

В популярном военно-историческом очерке рассказывается о победе русского войска под предводительством Дмитрия Донского над ордами хана Мамаю в Куликовской битве 1380 года, положившей начало освобождению Руси от монголо-татарского ига.

Книга рассчитана на массового читателя.

К 10604-095
068(02)-80 31.80.0505010000.

ББК 63.3(2)43
9(с)13

Вадим Викторович Каргалов

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Редактор *Т. П. Крошкина*

Художник *Б. И. Полянский*

Художественный редактор *Г. В. Гречиго*

Технический редактор *А. А. Перескокова*

Корректор *Г. И. Гагарина*

ИБ № 1357

Сдано в набор 30.05.79 г. Подписано в печать 18.12.79 г.

Г-22377 Формат 70×90/32. Бумага тип. № 2.

Гарн. обычн. новая. Высокая печать. Печ. л. 4.

Усл. печ. л. 4,68 Уч.-изд. л. 4,648 Тираж 100'000 экз.

Изд. № 2/5422. Зак. 479 Цена 20 коп.

Военнздат

103160, Москва, К-160

Набрано в 1-ой типографии Воениздата

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, д. 3

Отпечатано с матриц во 2-ой типографии

191065, Ленинград, Д-65, Дворцовая площадь, д. 10